

гетектив на шпильках

елена ЛОГУНОВА

На сеновал
с Зевсом

Индия Кузнецова

Елена Логунова

На сеновал с Зевсом

«ЭКСМО»

2008

Логунова Е. И.

На сеновал с Зевсом / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2008 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия ненавидела сочинять поздравления в стихах для их многочисленных клиентов. Эти чувства вполне разделяла ее напарница Маруся, причем до такой степени, что, задержавшись в офисе допоздна, разослала по всем адресам совершенно идиотские послания! Одно из таких безумных поздравлений отправилось к бизнесменше Лушкиной, vip-клиенту агентства. Пришлось Индии стремглав бежать в офис Лушкиной. Перехватить письмо она успела, но вскоре узнала ужасную новость: Лушкина упала с крыши, оборудованной под солярий! И на этом несчастья не закончились – пропала Маруся! Что же такого содержалось в этих злосчастных письмах?

Содержание

31 марта	7
1 апреля	9
2 апреля	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Логунова

На сеновал с Зевсом

Автор выражает признательность кандидату юридических наук, доценту Е.В.Смахтину за профессиональную консультацию и дружеские советы.

– Всё! Сейчас я убью этого зашоренного верблюда! – бешено заорал в своем закутке бильд-редактор Петя Громов.

В этот момент Игорь Горшенин со всей определенностью понял, что пришла пора собирать вещички на выход. В «Полях Кубани» ему больше не работать.

В том, что горбатой скотиной с искусственно ограниченным кругозором обозвали именно его, Игорь не усомнился. С детских лет Горшенина называли не Игорьком или Гошей, а только Игогошей. Приличные на первый взгляд имя и фамилия «Игорь Горшенин» в сочетании с длинным унылым лицом и крупными зубами жвачного животного не оставляли малолетним сочинителям кличек никакого простора для фантазии.

– Я убью тебя, слепошарое парнокопытное! – распахнув дверь в коридор, где топтался Игогоша, проорал взбешенный бильдредактор.

За его спиной в затемненном кабинете красиво светился большой дизайнерский монитор. В данный момент на нем застыла картинка, ради которой фотограф не поленился залезть в мусорный бак. В щель между его краем и крышкой открывался очень необычный вид на девчонок из модельного агентства – его владелец опрометчиво заказал редакции фотосессию на городских улицах. Игогоша находил эту свою работу весьма интересной. К сожалению, у «главного по картинкам» было несколько иное представление о творческих процессах и их желательных результатах.

– С чего ты взял, что можешь работать фотографом?! Какой из тебя фотограф, животное?! – гневно топая ногами, бесился чистоплюй и зануда Громов.

– Опять Игогоша съемку запорол? – понимающе хмыкнул проходивший мимо журналист Вася Лавочкин. – Да гони ты его в шею, Петька!

– В хвост и в гриву! – ехидно поддакнул вечный Игогошин злопыхатель и удачливый конкурент – маэстро унылого парадного фотопортрета Антон Иванович Дорожкин.

– Горшенин, ты уволен! – прокричавшись, бешеным шепотом сказал бильдредактор и вернулся в кабинет, откуда тут же послышался печальный звон разбитого стекла.

Игогоша скорбно вздохнул и поправил на плече сумку с камерой.

Фотографу по-прежнему казалось, что его взгляд на модельный бизнес сквозь прищур мусорного бака был парадоксально свежим, но найти понимание в посконных и сермяжных «Полях Кубани» он уже не надеялся. Приходилось признать, что его работа с этим скучным ортодоксальным изданием была такой же ошибкой, как попытки сотрудничества с доброй дюжиной других иллюстрированных журналов и полноцветных газет столицы аграрного края.

– Ига, эти косные и замшелые люди бесконечно ниже высокого искусства во всех его проявлениях! – разливая по стопкам дешевую водку, сказал в утешение расстроенному фотографу его приятель Борюсик.

При росте метр пятьдесят сам он был бесконечно ниже долговязого Игогоши, но при этом тоже дерзал замахиваться на высокое искусство. Официально Борюсик замахивался на него в театре юного зрителя, где служил актером, а неофициально – в многочисленных ночных клубах губернского города. Амбициозный Борюсик мечтал сменить обрыдшее ему амплу пионера-героя на гораздо более героическую роль го-го-дансера. Увы, косные и замшелые владельцы клубов лилипутский стриптиз заслуженного актера травести пока не оценили. Однако Борюсик сам не унывал и не советовал отчаиваться другу.

– Ига, наплюй на «Поля Кубани» и дуй в другой журнал! – опрокинув стопку, посоветовал он.

Игогоша на лошадиный манер помотал головой, бессловесно выражая малодушное сомнение в том, что его свежее дыхание оживит другой журнал успешнее, чем оплеванные «Поля Кубани». По правде говоря, ему уже некуда было идти. В краевом центре не осталось печатных органов, бильдиредакторы коих еще не были знакомы с неординарными работами фотохудожника Игоря Горшенина.

– Тогда меняй творческую манеру, – посоветовал неунывающий Борюсик. – Не можешь? Тогда не манеру, а жанр. Почему бы тебе не попробовать себя в роли папарацци? Я думаю, у тебя получится. Во всяком случае, это амплуа вполне сочетается с засадой в мусорном баке!

– Папарацци охотятся на знаменитостей, – возразил Игогоша. – Журналы раскошеливаются на снимки голливудских звезд!

– Так то голливудские журналы! – поправил его Борюсик, поболтав бутылку и посмотрев сквозь нее на лампочку – тусклую, как предзакатная кинозвезда. – А нашим родным таблоидам гораздо интереснее наши же родные звездоиды!

– Это кто же? – уже почти деловито поинтересовался неленивый фотограф.

– Да мало ли у нас карликовых звезд! – Борюсик – сам вполне карликовый, но совсем не звездный – пожал плечами и кивнул на работающий телевизор. – Хотя бы вот он! Шикарный мужчина, мечта девиц и старых дев, завидный жених, спортсмен и просто красавец!

В звонком голосе почетного пионера прорезалась классовая ненависть. Игогоша обернулся и внимательно посмотрел на мужчину, который перехватил у бедняги Борюсика славу секс-символа.

– А это кто?

В этот момент на экране под поясным портретом телевизионного красавца как раз появились титры.

Прочитав их, Игогоша завистливо пробурчал:

– Смотри-ка, с именем ему тоже подфартило!

Он мгновенно солидаризировался с Борюсиком в антипатии к везучей телезвезде, и роль папарацци, отравляющего жизнь красивым, богатым и знаменитым, перестала казаться ему неблагодарной.

– Ну, выпьем за новые горизонты! – чутко уловив смену настроения приятеля, предложил Борюсик и вновь наполнил рюмки. – Кстати, у меня новый номер телефона. Запиши!

Новоиспеченный папарацци послушно достал из кармана потрепанную записную книжку. Он зафиксировал номер и снова спрятал блокнот в карман, где тот и оставался до тех самых пор, пока его не извлекли оперативники.

Сам Игогоша по не зависящим от него причинам прокомментировать последнюю сделанную им запись уже не мог, но дознаватель проницательно угадал в одиннадцатизначной комбинации телефонный номер, дозвонился Борюсику и без долгих предисловий предложил ему прибыть в окружной морг для опознания тела.

31 марта

Мне следовало понять, что дело неладно, еще когда Маруся заменила картинку на мониторе своего компьютера. Обычно у нее там сексапильные парни и целующиеся парочки, а тут вдруг появилась бесполоая придурковатая белка из мультфильма «Ледниковый период». Чокнутый грызун утопал в море орехов, заполонивших весь экран, и при этом имел такое же выражение передней части головы, как и сама Маруся.

Сходство вполне оправдывалось: мы обе тонули в псевдолитературном болоте. Было тридцать первое число – крайний срок, установленный Броничем для написания впрок «поздравлялок» на весь последующий месяц.

Важных и нужных знакомых у нашего шефа великое множество, и каждого он считает достойным неповторимого персонального поздравления с любой мало-мальски знаменательной датой. В результате мы с Марусей вынуждены регулярно и в больших количествах сочинять пафосные тексты по сотне разных поводов. Самая тяжелая наша поэтическая страда приурочена к всенародным праздникам: Новому году, Дню защитника Отечества и Восьмому марта. Соответственно за три зимних месяца мы с коллегой сочинили столько поздравлялок, что в марте совершенно обессилели и непоправимо затянули с сезонными работами. А тридцать первого числа Бронич, покидая контору, ласковенько так сказал:

– Приятненького вечерочка вам, девочки, завтра утречком первым делом жду от вас открыточки на подпись.

И вечерочек сразу же перестал быть приятненьким.

Я взглянула на часы: стрелки образовали на циферблате четкую вертикаль. Восемнадцать ноль-ноль, мой законный рабочий день закончился, но как быть с проклятыми поздравлялками?

– Много их? – со вздохом спросила я Маруську, которая как раз изучала список наших апрельских героев.

– Всего шестнадцать. Давай так: ты пишешь бизнесу, а я власти, – хитрая Маруся попыталась распределить работу в свою пользу.

Власти писать гораздо легче, чем бизнесу. Административных работников мы обычно не балуем поэтическими изысками. Чиновники привыкли к сухому стилю деловой переписки, так что им вполне хватает одной яркой метафоры, в свободном стиле размазанной по всему тексту. А вот с продвинутым деловым сообществом так не пофилонишь, приходится искать новые яркие образы и подавать их с поправкой на специфику работы конкретного бизнесмена.

– Нет уж, фигушки! – сказала я. – Или мы делим бизнес и власть фифти-фифти, или я прямо сейчас засяду за подготовку презентации в Германии!

Смекнув, что при таком раскладе все поздравлялки достанутся ей одной, Маруся живо согласилась на праведный дележ. Она собрала все открытки в одну колоду и сдала их, как игральные карты, приговаривая:

– Тебе, мне. Тебе, мне...

Первые два текста я написала быстро. Вторая пара стоила мне и труда, и времени: четкая вертикаль на циферблате часов сделалась вдвое короче.

«Уже восемнадцать тридцать! – застонал мой внутренний голос. – Кошмар! Ты опоздаешь в парикмахерскую!»

Опаздывать в парикмахерскую было никак нельзя: на завтра у меня имелись большие планы. Мы с бойфрендом Денисом собирались гулять на помолвке его лучшего друга Руслана Барабанова, и я всерьез намеревалась затмить красотой всех дам, включая будущую мадам Барабанову.

До назначенного срока явки к парикмахерше оставалось полчаса. Я мобилизовалась и за десять минут накатала еще два текста.

«Всё, бросай это гиблое дело и бегом в салон! – прикрикнул на меня внутренний голос. – Оставшиеся поздравлялки сочинишь, пока будешь мелироваться: двадцать минут тихого сидения в колпаке тебе гарантированы, вот и используешь их с толком».

Это был хороший совет, и я ему последовала. Маруся, у которой поздравлялки вытанцовывались с большим трудом, проводила меня тоскливым завистливым взглядом и со вздохом уткнулась в компьютер. Он в промежутках между написанием прочувствованных слов простаивал так долго, что на мониторе успевала показаться чокнутая белка с ее орехами. К этому моменту между ней и Марусей уже обозначилось отчетливое фамильное сходство, чему я не придавала должного значения.

А зря!

1 апреля

Путру выяснилось, что Маруся сказала больно́й и не вышла на работу.

– Наверное, она попала под дождь и простудилась, – огорчилась я, виновато вспомнив, что у Маруси тоже были какие-то планы на послерабочее время, а поздний вечер ознаменовался первой весенней грозой.

Если бы не Денис, который приехал за мной в парикмахерскую на машине и с зонтом, я бы не смогла уберечь от осадков свою красивую прическу. А у Маруси, которая как раз переживала период полного безрыбья в личной жизни, вчера не было ни галантного кавалера с машиной, ни даже зонтика. Душу и тело бедняжки мог согреть только тонкий шелковый шарфик, который она, кстати говоря, забыла в офисе. Он так и остался висеть на спинке ее стула, трепеща на сквозняке, как розовый флажок.

– Нет! – в сердцах возразила наша третья коллега – бухгалтер Зоя Липовецкая. – Маруся не простудилась, она просто чокнулась! Вот, смотри!

Она потрясла в воздухе какой-то бумажкой, перебросила ее мне, а потом с треском разломила плитку шоколада: знать, расстроилась. Шоколад у нас в кабинете обычно служит заменителем валериановых капель.

– «Уважаемый *всем по списку!* – прочла я с подходящим выражением. – В этот замечательный апрельский (майский, июньский и т. д.) день примите наши сердечные (горячие, искренние) поздравления с Вашим Днем Рождения (именинами, крестинами, сороковинами)! Мы знаем Вас как настоящего мужчину (женщину, домашнее животное, гуманоида), внесшего огромный вклад в развитие страны (распитие напитков, собирание спичек, лепку снеговиков, осеменение свиней)...» Ну, Марусяка!

Я не выдержала и захохотала.

– Напрасно смеешься, – желчно сказала Зоя, остервенело грызя шоколадку. – Представь: она все свои поздравлялки написала по этому идиотскому шаблону!

– Ты серьезно?!

Я перестала смеяться, ринулась к пустующему Марусиному столу и торопливо разворочила аккуратную стопку подписанных открыток.

– Здесь все чиновники и только половина дельцов. Где же остальной бизнес?

– А бизнес тю-тю! – Зойка внимательно посмотрела на оставшуюся часть сладкой плитки, потом на меня, снова перевела взгляд на шоколадку и решительно переломила ее пополам: – На-ка, съешь!

Я послушно затолкала в рот «лекарство» и встревоженно прочавкала:

– В каком смысле – тю-тю?

– А во всех смыслах! – зловеще сказала она. – Про добрые отношения с бизнесом можно забыть. Маруся, идиотка такая, сама за шефа расписалась и конверты с открытками для первой партии именинников в почтовый ящик бросила!

– Так чего же ты тут сидишь! – подскочила я. – Бегом к ящику, пока почту не вынули! Будем умолять почтальона вернуть нам эти письма!

– Ты думаешь, я тоже дура, как Маруся? – обиделась Зойка. – Да я сорок минут плясала на углу, дожидаясь почтальона!

– Так ты вернула письма? – Я с облегчением выдохнула. – Фу-у-у, напугала...

– А ты готовься, Бронич узнает – еще не так нас напугает, – пообещала коллега. – К сожалению, я только два Маруськиных шедевра завернула, третьего-то письмеца в ящике не было. Полагаю, оно ушло еще вчера вечером, потому как день рождения у адресата сегодня – и поминай как звали!

– А как звали? В смысле, кому ушло? – хватась за сердце, спросила я.

– А Галине Михайловне Лушкиной! – ответила Зойка, исподлобья наблюдая за моей реакцией. – Ну, что – еще по шоколадочке?

– Давай, – прошептала я, закрывая глаза и представляя, какой будет реакция Бронича на жуткую новость о Маруськином тихом, но вредоносном помешательстве.

Сразу захотелось лечь и скрестить на груди руки!

Мадам Лушкина с ее компанией – наш ВИП-клиент. У шефа с этой бизнес-леди какие-то особые отношения. Корни их уходят в те доисторические времена, когда нашего агентства еще не существовало, так что мы с девочками не в курсе интимных подробностей.

– Я думаю, Бронич кого-нибудь уволит или штрафанет на всю зарплату, – сказала Зойка, когда я осторожно поинтересовалась ее прогнозом. – Причем необязательно Марусю. Маруська-то практикантка, что с нее возьмешь.

И она с жалостью посмотрела на меня.

– Да нет, – чавкая булочкой, возразил наш видеоинженер Андрюха Сушкин.

Он, как обычно, появился в конторе на час позже, чем я, и первым делом наладился завтракать, а вторым – обесточил весь этаж, устроив короткое замыкание с помощью хронически неисправного электрического чайника.

– Я думаю, Бронич никого не уволит, – сказал любитель чайно-энергетических церемоний. – Он кого-нибудь убьет.

И Андрюха тоже жалостливо взглянул на меня.

– Понятно, – нарочито бодрясь, сказала я и принялась собирать свои вещи. – Тогда я вас покину прямо сейчас. Мне срочно нужно присмотреть себе модный саван и белые тапки.

– Ты куда?! – в один голос вскричали Зойка и Эндрю, сообразив, что в мое отсутствие гневливый шеф вполне может уволить (или убить) кого-то из них.

– Как куда? – Я становилась на пороге и поправила сумку на плече, как солдатик вещешок. – На особо опасное задание, добровольцем: поеду к Лушкиной, попробую как-то спасти ситуацию.

Мне казалось, это прозвучало торжественно, но вполне оптимистично, однако хмурые лица моих коллег несколько не просветлели. Они переглянулись, и Зойка, пряча глаза, сказала:

– Кстати, в обувном магазине на Наждачной финишная распродажа старой летней коллекции, и там очень много белого...

– Спасибо, вам тоже всего хорошего и долгих лет жизни! – желчно сказала я и поспешила убежать из конторы, пока не явился наш грозный шеф и не сократил мою собственную жизнь или же денежное довольствие.

Даже не знаю, что было бы хуже.

– Иди и возвращайся с победой! – спохватившись, благословила меня Зойка.

– Ага, со щитом, а не на щите, – пробормотала я, удаляясь.

Монтер, потрошавший в коридоре электрораспределительный щит, посмотрел на меня с подозрением, но я строго сказала ему:

– Да будет свет! – и поторопилась сбежать вниз по лестнице.

О госпоже Лушкиной я слышала немало – она в нашем городе фигура во всех смыслах крупная: хозяйка концерна «Юг России», объединившего в едином порыве завод железобетонных изделий, домостроительный комбинат и сеть риелторских контор. О Лушкиной говорят, что она стоит сто миллионов и весит сто кило. Не знаю, как насчет денег Галины Михайловны, а насчет ее живого веса молва не врет. Я поняла это, когда увидела, как мадам вылезает из салона своего «Бентли»: высадив пассажирку, машина в кормовой части приподнялась сантиметров на двадцать!

Высокий статный парень, выпрыгнувший из машины чуть раньше Галины Михайловны и предупредительно поспособствовавший ее выгрузке из авто, первым взбежал по ступенькам и распахнул перед хозяйкой дверь роскошного офиса.

Цепляясь за краснодеревянные перила пухлой ручкой и безжалостно слепя меня маникюром и бриллиантами, важная дама тяжело поднялась на крыльцо и скрылась за стеклянной дверью.

– Вот досада, опоздала! – Я хлопнула себя по бедру и подняла глаза, провожая взглядом скользющую вверх по фасаду стеклянную кабину лифта с застывшей в ней монументальной фигурой Галины Михайловны.

Если бы не розовый брючный костюм, она походила бы на уменьшенную копию памятника Екатерине Второй, украшающего одну из площадей нашего города. Стать, формы, выражение лица и прическа у Лушкиной были точно такие же, как у бронзовой императрицы. Величие картины «Государыня Всея Российского Юга, возносящаяся над толпой» портило только присутствие в лифте долговязого помощника Лушкиной. Вместе они смотрелись смехотворно, напоминая героев русской народной сказки «Пузырь, Соломинка и Лапоть». Розовая толстуха в искрящихся украшениях здорово смахивала на радужный мыльный пузырь, а стройный верзила – на соломинку, так что для полноты сходства с фольклорной троицей им не хватало только лаптя.

«Может, это будет твоя роль? – подколот меня внутренний голос. – Вот сейчас ты, простая, как тот самый лапоть, влочишься в «ЮгРос» и попросишь Лушкину, не распечатывая, отдать тебе письмо с поздравлением от «МБС».

«А она отдаст?» – заробела я, осматривая стеклянную башню лушкинской империи.

«Догонит и еще отдаст!» – тупо сострил внутренний голос.

Предчувствуя, что так оно и будет, я вздохнула, одернула короткий пиджачок и зацокала каблучками по ступенькам.

– Вы к кому? – заинтересованно окликнул меня мужественного вида юноша на входе.

– Я к Галине Михайловне от Михаила Брониславича из рекламного агентства, – кокетливо ответила я, нагло прикрываясь именем шефа, который мог и не одобрить мою инициативу.

– Ольга Петровна, тут девушка по рекламе к Самой, – почтительно приглушая голос, сказал охранник в переговорное устройство.

Оно в ответ издало невнятное хрюканье, которое молодой человек уверенно перевел как «Подождите здесь», хотя на мой слух интонационно посыл был гораздо ближе к «Шли бы вы отсюда!».

Я послушно подождала, от нечего делать глаза по сторонам – благо, было на что посмотреть. Просторный вестибюль представлял собой подобие внутреннего двора, со всех сторон окруженного стеклянными стенами в восемь этажей и накрытого стеклянным же куполом. В центре просторной площадки уютно журчал фонтан, мелодичный плеск струй которого никто не слушал: атриум был пуст, как аквариум во время смены воды. Зато в бесчисленных офисных клетушках, открытых взору благодаря прозрачным стенам, было полным-полно народу. Многочисленные сотрудники компании копошились в своих ячейках, точно трудолюбивые пчелки в сотах.

«Ты здесь ничего странного не замечаешь?» – спросил внутренний голос.

Мне казалась очень странной и откровенно нездоровой здешняя манера организации рабочих мест, при которой каждый человек сидит как приклеенный на виду у всех остальных, словно муха на липучке. Но оказалось, внутренний голос имеет в виду другую странность.

«Ты посмотри на женщин и на мужчин», – посоветовал он.

– Вот это да! – тихо присвистнула я, присмотревшись к офисным насекомым. – Вот это, я понимаю, у кого-то комплексы!

В местном шоу «За стеклом» я не увидела ни одной дамы, которая была бы моложе и стройнее госпожи Лушкиной! В то же время мужчины показались мне отборными красавцами – я даже посетовала, что не знала об этой особенности кадровой политики «ЮгРоса» месяц

назад, когда мы в «МБС» искали актеров для рекламного ролика местной фабрики трикотажных изделий и нижнего белья.

– Этот офисный комплекс построен нашей компанией! – со сдержанной гордостью прохрюкала особа, появления которой я не заметила.

Я не стала объяснять, что имела в виду совсем другие комплексы – не офисные и даже не зенитно-ракетные.

– Ольга Петровна, это та девушка по рекламе, – без затей представил меня охранник.

– Здравствуйте! – оборачиваясь, я поспешно послала на хрюк свою самую цветущую улыбку, а затем очень постаралась, чтобы она не увяла досрочно.

Ольга Петровна обладала поразительным сходством с сермяжным мешком, полным неизвестных живых существ. При каждом ее движении под серой тканью балахонистого брючного костюма в самых неожиданных местах вспучивались складки и выпуклости. В сочетании с нечеловеческим голосом внешность этой дамы заставляла вспомнить о рядах сельской ярмарки, где производится мелкооптовая продажа объектов свиноводства. Про себя я мгновенно окрестила Ольгу Петровну красивым индейским именем Поросычья Радость.

– Вы по какому вопросу? – спросила меня эта свиновидная скво.

– Я по вопросу вручения Галине Михайловне поздравления с ее днем рождения, – объяснила я на такой зубастой улыбке, какую редко видит даже мой стоматолог. – А вы, наверное, секретарь госпожи Лушкиной?

– Я личный помощник-референт нашего президента, – прохрюкала Поросычья Радость с такой важностью, словно речь шла о нашем общем российском Президенте. – Давайте ваш подарок, я передам.

– Ах нет, это невозможно! Понимаете, в чем дело...

Я сделала театральную паузу и мобилизовалась, мысленно заклиная вдохновение немедленно явиться и подсказать мне продолжение начатой фразы. Открывать своей собеседнице истинное положение дел я, разумеется, не собиралась. Вряд ли эта дама оценит своеобразную шутку нашей Маруси!

«Но и конверт она тебе не отдаст! – уверенно сказал мой внутренний голос. – Это же не женщина, ты видишь? Это хорошо выдрессированный цепной пё... помощник-референт».

Но мне пришло в голову, что успехи чужой дрессуры можно попытаться обратить себе на пользу. А тут как раз и вдохновение подоспело, и вместе мы сочинили почти правдивую историю:

– Я поспешила запечатать и отправить поздравительную открытку, а мой шеф, оказывается, собирался еще вложить в тот же конверт небольшой подарок для вашего президента, – объяснила я. – И вот теперь я очень прошу вас помочь мне решить эту задачку: подарок нельзя вручать без конверта. Открытку нельзя вручать без подарка. Конверт запечатан и находится у вас, а подарок – у меня. Может быть, вы сами откроете конверт и положите в него подарок?

– Ни в коем случае! – Поросычья Радость так испугалась, что ее розовые щеки посерели. – Открывать конверт, адресованный лично Самой? Нет-нет, это невозможно. А подарок – это и вовсе глубоко интимно, я не хочу в это вмешиваться, мало ли что...

«Сто процентов, она подумала, что милым словом «подарок» ты называешь деньги! Решила, что в конверте будет «барашек в бумажке», и боится иметь к этому отношение!» – проказливо захихикал мой внутренний голос.

– Я так и думала, – сказала я одновременно и ему, и приятно боязливой помощнице президентши. – В таком случае, может быть, вы позволите мне самой дополнить конверт необходимым вложением?

Отказав мне в этой просьбе, помощница лишила бы свою начальницу подарка. Мы обе это понимали, поэтому я ничуть не удивилась, получив приглашение пройти в офис для практического решения деликатного вопроса.

Стеклянный лифт вознес нас на восьмой этаж. Стеклянные двери сами собой разъехались, пропуская нас в стеклянную комнату со стеклянными стенами. Пол и потолок оказались непрозрачными, и это меня порадовало. Я в отличие от Ольги Петровны была не в бесформенных брюках, а в короткой расклешенной юбке и при наличии стеклянных перекрытий неизбежно продемонстрировала бы свое нижнее белье обитателям семи нижних этажей.

Запустив меня в свой персональный аквариум, бдительная помощница первым делом попросила документы. Внимательно изучив предъявленное удостоверение и убедившись в моей принадлежности к рекламному агентству полного цикла «МБС», она раскопала в большой стопке свежей почты Маруськино поздравительное письмо, протянула его мне и отвернулась в сторону, притворяясь, будто любит кактусом в горшке. Чахлое растение красотой не блистало, и засматриваться на него невзрачной офисной даме имело смысл, только если она желала бы прослезиться над судьбой более безрадостной, чем ее собственная. Я поняла, что Ольга Петровна проявляет деликатность, и была ей за это признательна. Меня вполне устраивало отсутствие наблюдения за моими дальнейшими действиями.

Я вовсе не собиралась оставлять в конверте открытку с Маруськиным безобразным «поздравлением» и даже не думала дополнять его своими деньгами. Дурацкую открытку я изъясла, а взамен положила подходящий по размеру рекламный буклетик нашей фирмы и свой билет на спектакль в Театре оперетты, о котором культурная общественность нашего города жарко спорила уже второй месяц. Вообще-то я не большая любительница театра, мне гораздо больше нравится кино, но наша Зоя так увлекательно рассказывала об этом спектакле, что мы с Маруськой не рискнули сильно отрываться от культурных масс и тоже решили взять билеты. Ну, если уж быть совсем честной, Маруся ощутила тягу к искусству Мельпомены чуть раньше меня, а я тянула с культпоходом до последнего и купила билет только на сегодняшний заключительный спектакль. А если уж совсем-совсем честно, то сейчас я искренне радовалась, что необходимость присутствовать на помолвке Руслана Барабанова все равно лишала меня возможности беспокойно подремать в потертom плюшевом кресле над оркестровой ямой.

Но зачем же пропадать билету, за который деньги заплачены? Вот он и пригодился. Билет, по моему мнению, вполне мог сойти за небольшой, вполне культурный и в высшей степени невинный подарок, а буклет всея конторы «МБС» с натяжкой заменял поздравление за подписью нашего шефа. На ощупь подарочный конверт для мадам Лушкиной получился приятно плотным, и чопорная Ольга Петровна отнеслась к нему с должным уважением.

Я покинула стеклянный замок «ЮгРоса» с приятным чувством гордости за проявленные мною ум и сообразительность. Понижать возросшую самооценку встречей с Броничем, у которого могло быть другое мнение по этому поводу, мне не хотелось. Чего мне хотелось, так это покушать, поэтому я решила начать обеденный перерыв досрочно и поехать домой. Папуля ночью творил тесто и мариновал мясо. На обед нам были обещаны пироги по-кахетински и шашлык «Дато Туташиа».

По мере подъема лифта запах жареной с чесноком баранины становился все сильнее и к седьмому этажу достиг такой концентрации, что я ворвалась в квартиру, распустив слюни, как мастиф.

– Дюшенька, ты как раз вовремя, мой ручки и садись за стол! – позвал из кухни папуля.

Он не усомнился, что пришла именно я, и это могло означать только одно: все остальные члены семейства уже сидят за столом с мытыми ручками и полными тарелками еды. Я поняла, что имеет смысл поторопиться.

Жадина Зяма при моем появлении засуетился и спешно вонзил вилку в самый большой кусок мяса.

– Приятно тебе подавиться! – съязвила я, плюхаясь на диванчик рядом с братцем.

– Не толкайся! – недовольно буркнул он, цепляя с блюда второй кусок – про запас.

– Дети, не ссорьтесь! – примирительно сказал папуля. – Еды хватит всем.

– Ах, как мне надоели эти братско-сестринские распри! – капризно вздохнула мамуля, прикусывая веточку петрушки.

У нашей великой писательницы второй день не вытанцовывался сюжет нового романа, отчего она была сердита и раздражительна.

– Басенька, скушай ребрышко! – ласково предложил супруге папуля.

– Ах, как мне все это надоело! – скривилась капризуля.

Бабуля покосилась на мамулю, выразительно пошевелила бровями и молча прибавила громкость телевизора. Культурная программа обеда, отягощенного братско-сестринскими распрями и VIP-капризами, состояла из застольного просмотра новостей с Максом Смеловским – моим давним поклонником и другом всей нашей семьи.

– Сегодня первое апреля – международный день птиц! – радостно возвестил с экрана Максим.

– Сегодня первое апреля – День дурака! – чавкая, заспорил с ним Зяма.

– С праздничком тебя! – ехидно сказала я.

– Дюша, надо быть добрее к брату! – укорил меня папуля.

– Надо быть добрее к братьям нашим меньшим! – поддакнул ему Смеловский в телевизоре.

Я смешливо хрюкнула в надкушенный пирог. Зяма обиженно надул щеки, и без того сильно округленные не прожеванным мясом, и сделался похож на гигантского хомяка, максимально приблизившись к образу меньшего нашего брата по разуму. А телеведущий проникновенно сказал:

– Сегодня весь край должен выйти на строительство скворешников и птишников!

Он так и сказал: «скворешников» и «птишников» – через «ша», чему я сильно удивилась. Смеловский парень образованный, мы с ним вместе грызли гранит филологии в университете, причем Макс занятия не прогуливал и как грызун научного гранита преуспел больше меня. С чего же вдруг такой моветон?

– В самом деле, скворечник! – неожиданно оживилась мамуля. – О, какая идея! Извините, я вас покину.

Она отодвинула тарелку, встала и удалилась к себе.

– Я ошибаюсь, или к Басеньке пришла муза? – проводив супругу взглядом, задумался папуля.

– Ага! Она прилетела из ближайшего скворечника! – сострил Зяма.

Я подняла брови и похлопала ресницами. Наша мама пишет ужастики, и до сих пор самым компактным дощатым сооружением, фигурировавшим в ее произведениях, был портативный гробик злобного лилипута – карликового плода близкородственного скрещивания представителей вырождающейся вампирской линии. Как мамуля впишет в одну систему образов с мрачными склепами и усыпальницами милый птичий домик, было непонятно, но заранее интересно.

Предвкушая небанальный поворот сюжета, я поела шашлыка с пирогами и только-только приложилась к компоту из стилистически чуждой кавказской кухне гваябы, как позвонила секретарша нашего Бронича Катерина.

– Куда вы все пропали?! – истерила она. – Где ваша совесть?!

– Вопрос поставлен некорректно, – заметила я, двигаясь в прихожую, чтобы обуться и бежать в контору.

Наша Катька – воплощение гражданской сознательности, высокой ответственности и бескорыстной любви к работе. Отсутствие аналогичных качеств в других людях она воспринимает очень болезненно, а я не люблю огорчать своих добрых знакомых без крайней на то необходимости.

– Чье именно местонахождение тебя все-таки интересует – мое или моей совести? – заглушая предательское гудение лифта, забалтывала я коллегу. – И кого, собственно, ты называешь сложным местоимением «вы все»? Это только мы с моей совестью или кто-то еще?

Катерина не выдержала моего насмешливого тона и взорвалась гневной тирадой, из которой стало ясно, что не я одна бессовестно плюю на работу, дезертируя с линии трудового фронта в трудный для родной конторы момент. Маруся так и не объявилась, Зойка с Андрюхой сбежали «позавтракать» и не вернулись к обеду, а вот шеф наш, наоборот, пришел и требует поздравлялки на подпись.

– О господи, поздравлялки! – охнула я.

Только сейчас я осознала, как сильно подвела меня безответственная дуручка Маруся. Ее открыткам прямая дорога не в почтовый ящик, а в мусорный, и, стало быть, нормальные тексты придется сочинять мне одной. И сделать это нужно быстро, пока Бронич не рассвирепел.

Чтобы выиграть время, я раскошелилась на такси, но сочинение поздравлялок все равно заняло у меня весь остаток рабочего дня. Правда, я часто и надолго останавливала работу, чтобы подкрепить свои душевные и физические силы чаем, кофе, плюшками и телефонными разговорами с приятными мне людьми, жизнь которых в данный момент была свободна от личных, семейных и профессиональных праздников. Собеседников я выбирала осмотрительно. Если бы кто-нибудь из них закричал: «Инка, поздравь меня, мне сегодня стукнуло тридцать!» – я и сама бы кого-нибудь стукнула.

Сверившись с календарем, я убедилась, что у Макса Смеловского в начале апреля нет никаких памятных дат, и только после этого набрала его номер.

– Слушаю тебя, свет моих очей! – в витиеватом восточном стиле приветствовал меня давний поклонник.

– Нет, это я тебя слушаю, радость моих ушей! – засмеялась я. – Что за чушь ты нес сегодня с экрана про скворечники и птичники?

– Чушь? – обиделся Макс. – Нормально! А не ты ли сама прислала мне этот факс с поздравлением по поводу Всемирного дня птиц?!

– Ты что? Я похожа на сумасшедшую?

Я покосилась на себя в зеркало, занимающее простенок между моим и Маруськиным столами, и решила замять эту тему.

Выжимая из себя поздравлялки, я слюнявила карандаш и ковыряла им в затылке, чем превратила относительно свежую парикмахерскую прическу в подобие вороньего гнезда, выкрасила синим язык и еще нарисовала себе большую кривую галочку на переносице. Больше, чем я, на сумасшедшую была похожа только Офелия в полуфинале «Гамлета».

– Почему ты решил, что это я поздравила тебя с Днем птиц? – скорчив рожу своему непрезентабельному отражению, спросила я.

– Я прекрасно знаю все номера телефонов в твоей конторе!

Это заявление меня заинтересовало. Не в том смысле, что я внезапно осознала, как много значу для Макса, это мне было известно и раньше. Я вдруг догадалась, кто мог поздравить дружественную телекомпанию с таким оригинальным праздником.

– Маруся, зараза! – Я стукнула кулаком по столу. – Сто процентов, это она расстаралась, сочинительница дурацких текстов!

– Да, текст и впрямь был какой-то странный. Хочешь сказать, это был первоапрельский розыгрыш? – расстроился Смеловский.

– Конечно, розыгрыш! – подтвердила я.

Не говорить же ему, что Маруся спятила на почве написания поздравлялок! Непосвященные считают рекламное агентство «МБС» вполне уважаемой компанией. Зачем же я буду портить репутацию фирме, которая платит мне жалованье?

Было еще одно тонкое обстоятельство, из-за которого мне не хотелось особо муссировать тему глупых Марусиных факсов. На прошлой неделе я имела неосторожность похвастать коллегам, что изобрела эффективный метод борьбы со стрессом по принципу «клин вышибают клином»: до смерти устав писать утомительно-серьезный пресс-релиз о занудном совещании наших клиентов-банкиров, я для разнообразия сочинила альтернативный – откровенно издевательский – текст. Читая его, я смеялась до слез, и это отсрочило мою гибель от тоски, усталости и злости. Теперь я вполне обоснованно подозревала, что наша практикантка последовала моему совету – сначала сочинила кучу идиотских поздравлялок, а когда и это не помогло – попыталась увеличить дозу позитива с помощью розыгрыша по факсу.

Расспросив друга, я узнала, что факсовый аппарат в редакции принял Маруськино послание с поздравлением в автоматическом режиме вчера вечером. Девочка, ответственная за содержание утреннего блока новостей, замотавшись и потеряв всякое представление о времени, о возможности первоапрельского розыгрыша, забыла напрочь и ничтоже сумняшеся включила интересную информацию в дикторскую начитку. За это Смеловский обозвал свою беспамятную телевизионную девочку идиоткой, а я мысленно адресовала то же самое слово нашей Маруське.

Потом Макс поинтересовался, когда он сможет угостить меня ужином, а еще лучше – завтраком в постель, но я напомнила, что у меня уже есть жених. Кроме того, мы вместе трапезничали совсем недавно. Кажется, позавчера. Правда, по времени суток и меню тот перекус в бистро тянул разве что на полдник, и даже букет, преподнесенный мне галантным кавалером, не сделал незатейливую трапезу более интимной.

Дежурная порция комплиментов, выданная Максом, поправила мое пошатнувшееся настроение. Я активизировалась и закончила заключительную сверхнормативную поздравлялку аккурат с последним ударом курантов, оповещающих трудовое население нашего офиса об окончании рабочего дня. В восемнадцать ноль одну я выключила свой компьютер и принялась последовательно обесточивать электронные мозги своих нерадивых коллег.

В памятке, приклеенной рядом с дверью пожарным инспектором, в графе «ответственный за соблюдение правил пожарной безопасности» стоит моя фамилия. Обычно пожарная ответственность тяготит меня гораздо меньше, чем Катерину, ФИО которой написано на бумажке, украшающей наш стальной сейф. Он весит полтонны, и мне порой ужасно хочется повторить подвиг Герострата и устроить во вверенном мне помещении возгорание с задымлением, только чтобы посмотреть, как хрупкая Катерина будет спасать неподъемный бронированный шкаф из горящей офисной избы. Однако сегодня Катька ушла первой, поэтому я аккуратно вырубилла все электроприборы. Перспектива, в случае чего, тягать сейф на собственном горбу не казалась мне заманчивой.

Обход показал, что с противопожарной безопасностью дела в нашей конторе обстоят весьма неважно. Бронич перед уходом не выключил настольную лампу, Андрюха забыл выдернуть зарядное устройство для мобильного, Катька и вовсе оставила в розетке портативный фен! Он так и лежал у нее под столом, каковое местоположение не могло не вызвать у меня вопрос: что именно в спешном порядке сушила и укладывала наша скромница-труженица на уровне голеностопа?

«Может, подарить ей на день рождения эпилятор?» – задумался внутренний голос.

Я поморщилась: про дни рождения с подарками и неизбежными поздравлениями по понятным причинам не хотелось даже думать. Сунув нештатный электроприбор в ящик Катькиного стола, я перешла к рабочему месту Маруси.

Системный блок ее компьютера тихо гудел и светил огоньками. Значит, в отсутствие Маруськи кто-то сидел на ее месте. Скорее всего, это Андреас тайком наведывался на какой-нибудь веселый сайт в Интернете. Снова растратил куда не надо свой собственный трафик и начал подворовывать его у девочек!

– Мужчины! – фыркнула я, выражая свое презрение к этим рабам гнусных желаний.

А мужчины тут же попытались реабилитироваться как класс: позвонил мой жених Денис Кулебякин.

– Привет, зайка! – бодро и весело сказал он. – Ты как? Я буду у тебя через десять минут. У Русика уже полный сбор, ждут только нас с тобой.

– В смысле? – Я насупила брови, и без того живописные, благодаря соединившей их чернильной галочке.

– Ты что, забыла? – удивился мой милый. – Мы же сегодня идем на заклятие Барабанова!

– На помолвку, – машинально поправила я и беззвучно охнула.

Помолвка! Вечеринка! Мой шанс в очередной раз поразить своей неземной красотой всех дам и джентльменов в зоне прямой видимости!

Я оттолкнула стул-самокат и бросилась к зеркалу.

– Я надеюсь, ты не передумала? – заволновался Денис. – Или у тебя появились другие планы?

В голосе его зазвучало невысказанное подозрение.

– Появились, – мрачно подтвердила я. – Сказать, какие? Я хочу убить Маруську. Из-за нее я испортила себе прическу, макияж, настроение и всю вечернюю программу. Дениска, я не могу ехать к Русику, я кошмарно выгляжу!

Мне страшно хотелось шумно разреветься, но я удержалась и ограничилась символическим плаксивым хрюканьем: в дополнение к растрепанным волосам размазать по лицу весь макияж – это было бы уже чересчур даже для чокнутой Офелии!

– Не может быть! Ты всегда выглядишь просто замечательно! – возразил Денис с пылкостью, за которую я была ему искренне признательна. – Что случилось? Ты сломала ноготь?

– Ах, если бы!

Я вкратце описала любимому ущерб, который нанесла моей внешности работа над Маруськиными ошибками, и Денис поспешил меня утешить:

– И всех-то делов? Да ладно тебе! Сейчас заедем в парикмахерскую и быстро приведем твою голову в порядок! То есть твои волосы.

Мысленно я отметила эту его оговорочку (значит, Кулебякин думает, что мою прическу нормализовать можно, а с головой в целом беда непоправимая!), но цепляться за слова не стала (пока). Милый, спасибо ему, предложил не самое плохое решение.

– Ладно, я тебя жду!

Я спрятала в сумочку мобильник, достала влажные салфетки, косметичку с мазилками и сноровисто нарисовала себе новое лицо. Оно получилось вполне симпатичным. Было бы даже красивым, если бы его не портило злобное выражение, уместное не на помолвке, а на публичной казни. Как сказал Кулебякин – на заклянии.

И я закономерно подумала о Маруське, которая в данный момент стояла первым номером в моем персональном списке смертников. До приезда Дениса было еще несколько минут, и я решила потратить их на кровожадное удовольствие.

– Алло, Маруся? – набрав домашний номер приговоренной, притворно ласково проворковала я в трубочку. – А ты, значит, дома сидишь, пока другие тут за тебя навоз разгребают? Убить бы тебя!

– Извините, Мареточки нет дома, – тихо и вежливо ответили мне. – Кто ее спрашивает, что передать? Я ее мама, Аминет Юсуфовна.

Я прикусила язычок. Голос у Марусиной мамы был молодой, очень похожий на звонкое сопрано дочери, но тон разительно отличался. Маруська – девица бойкая, она тарыхтит, как трактор «Беларусь», и хохочет, как гиена, а у Аминет Юсуфовны, чувствуется, совсем другая манера общения.

«Что ты хочешь – закрепощенная женщина Востока!» – брякнул мой внутренний голос.

Я покачала головой. Маруся несколько раз упоминала о своих родственниках – папе, маме и сестре, и у меня сложилось впечатление, что это нормальное интеллигентное семейство. Папа вроде в университете преподает, мама в каком-то проектном институте работает, младшая дочка еще школьница. То есть если у них там и Восток, то не дремучий. Маруся, во всяком случае, весьма современная девица.

– Приятно познакомиться, Аминет Юсуфовна, я Индия, коллега вашей дочери, – сказала я, понизив голос на два тона и щедро добавив в него сладкого меда. – Мы в нашем рекламном агентстве очень обеспокоены тем, что Мару... Мареточка не вышла на работу. Она не заболела?

– Мареточка не на работе? Как же так? – По голосу чувствовалось, что милая мама гадкой Марусяки сильно обеспокоена. – Дахамиль!

«Кто кому хамил?» – озадачился мой внутренний голос, не уловив смысла последнего восклицания.

– Дахамиль! Дахамиль! – продолжала восклицать Марусякина мама таким голосом, каким кричат «караул, караул!»

«На каком это языке, на адыгейском?» – не унимался мой внутренний голос.

Гранит адыгейского мы с ним в университете не грызли.

– Дахамиль, живо иди сюда, поговорим! – слышалось в трубке.

Стало понятно, что Дахамиль – это имя. И, судя по тому, что предполагается беседа, человеческое.

– Даша, вот Индия говорит, что Мареты не было на работе! – не унималась трубка.

– Индия?!

– Это имя, – со вздохом объяснила я.

«Тоже человеческое!» – ехидно добавил внутренний голос.

– Та Индия, которая Инка? – уточнила бойкая девица, чей голос походил на Марусякин гораздо больше, чем мамочкин. – У которой мама писательница и брат дизайнер?

– Кузнецовы мы, – суровым басом бухнула я.

– Так ты говоришь, наша Мара загуляла? – засмеялась разбитная девица. – То-то я ей ночью звонила, а она трубку не сняла, занята была, видно...

– Дахамиль, что ты говоришь! – слышался в отдалении негодующий возглас.

– А что я говорю? Что я говорю, то Марка делает! – огрызнулась младшая сестрица. – Ладно тебе, мам, можно подумать, никто не знает, чем по ночам занимаются взрослые девочки! Только я, правда, думала, что Марка на работе, она же из офиса факс прислала – ту чушь про птичий праздник.

– Даша, я не понимаю, о чем ты? – Голоса в трубке слились в фоновый шум.

Я выключила телефон и задумчиво посмотрела на него. В наружно и внутренне беспорядочной голове заворочалась какая-то мысль, но шум шагов в коридоре ее спугнул.

– А вот и мы! – распахнув дверь, торжественно возвестил капитан Кулебякин.

На его согнутом локотке покоился здоровенный, с доброе полено, цветочный букет. Совершенно ужасающий пук не то ромашек, не то маргариток очень странного сине-сиреневого цвета с бледно-зелеными серединками. Цветы-мутанты были завернуты в папирус с резным краем и отдаленно походили на младенца (явно не человеческого) в кружевах. Это с натяжкой оправдывало употребленное Денисом местоимение «мы».

– Привет, – сказала я, с трудом удержавшись, чтобы не сделать козу рогатую дюжему фиолетовому «младенцу». – Какая га... Гм... прелесть! Это как называется?

– Это цветы, – важно ответил Денис. – Ну, что, погнали?

И мы погнали. Поправили мою голову (ну, ладно, только прическу!) в первой попавшейся парикмахерской, приехали к Барабанову, осчастливили его суженую нечеловеческим букетом и внесли свой неопределимый вклад в общее веселье.

2 апреля

Домой я попала далеко за полночь, но все равно на несколько минут опередила Зяму. Мой беспутный братец ввалился в квартиру, когда я меткими пинками загнала под обувницу в прихожей смертельно измучившие меня туфли и с наслаждением утвердила горящие ступни на холодной плитке пола.

Братец косо посмотрел на меня и желчно молвил:

– Стоишь?

– Стою, – согласилась я, с интересом ожидая продолжения.

– Хорошо тебе! – сказал Зяма и привалился к стеночке.

– Ты что, напился? – удивилась я.

К числу любимых грехов моего беспутного братца пристрастие к спиртному не относится. Не буду врать: пару раз мне случалось видеть его изрядно поддатым, но на то обязательно имелся самый серьезный повод.

– Нет, просто на ногах не держусь, – ответил Зяма и сполз по стеночке на пол.

При этом штанины его задрались и стали видны щиколотки, густо испачканные черным и красным. В первый момент я подумала, что братишка напялил какие-то необыкновенные дизайнерские носки – Зяма любит одеваться как гламурное чучело. Но тут прямо на моих глазах светлый фрагмент на узорчатом носке окрасился красным, и я с ужасом поняла, что у братишки изранены ноги.

– Зямка! – Я взвизгнула и бухнулась на четвереньки, точно Мария Магдалина перед снятым с креста Иисусом. – Что с ногами?!

– Тихо, не ори! – Мученик поморщился и прикрыл глаза. – Разбудишь мамулю.

Я послушно заткнулась. Мамулечка наша, даром что сочинительница кошмаров, в реальной жизни жуткая неженка. При виде крови она может рухнуть в обморок, а перед этим еще огласит окрестности воплем – куда там иерихонским трубам!

– Дети? Что случилось? – Сонно моргая, в прихожую выглянул папуля.

Вздохмаченные вихры образовали вокруг его плечи забавные рожки, однако голос у нашего родителя был командирский, и я отрапортовала как дисциплинированный боец:

– У Зямы ноги!

– У Зямы всегда ноги, – буркнул братец, пытаясь натянуть подскочившие штанины до пяток.

– Так, – папуля выдвинулся в прихожую, плотно закрыл за собой дверь, вынул из кармана халата очки, надел их, посмотрел сверху вниз и снова повторил:

– Так. Собака?

– Французский бульдог! – с ненавистью сказал Зяма. – С-скотина...

Папуля присел, заглянул за край узорчатого носка, кивнул и, поднимаясь, скомандовал:

– Дюша, промой места укусов водой с хозяйственным мылом, потом намажь кожу вокруг ран йодом и наложи стерильную повязку. Я за машиной. Поедем к хирургу.

Наш папуля – отставной полковник. В лоне семьи он обычно мил и кроток, но уж если отдает распоряжения – хочется встать по стойке «Смирно!» и щелкнуть каблуками. Каблуки я уже успела сбросить, но во фронт все-таки вытянулась, гаркнула:

– Есть! – и побежала в ванную за мылом.

Папуля за минуту оделся и ушел в гараж. Я перевернула вверх дном все шкафчики, но хозяйственного мыла нигде не нашла и на свой страх и риск заменила его собственным туалетным – самым лучшим и дорогим, с маслом апельсина и пачули.

– Ой, щиплет! – ныл Зяма, когда я мылила его щиколотки.

– Ой, жжет! – пищал он, когда я разрисовывала их йодом.

– А нет у тебя бактерицидного пластыря с рисунками? – капризничал он, когда я приступила к сооружению стерильной повязки из бинта и лейкопластыря.

Тут я не выдержала и сердито сказала:

– Слушай, если ты не можешь заткнуться и терпеть молча, говори что-нибудь дельное! Расскажи, например, за что тебя собака покусала?

– Я?! – Зяма искренне возмущился. – Да я эту собаку пальцем не тронул!

– А кого-то, значит, тронул, – догадалась я. – И тоже не пальцем?

Бледные щеки братца окрасились нежным румянцем.

– Так, – сказала я с интонацией папы-полковника. – Живо колись, во что ты опять вяпался! Очередная любовная авантюра?

Конечно, так оно и было! Этот сладострастный идиот – я имею в виду своего братца, конечно, – познакомился на улице с симпатичной девушкой и навязался ей в провожатые. Чтобы растянуть прогулку, они пошли пешком. Весенний вечер был прохладен, барышня озябла, и галантный Зяма набросил ей на плечи свой вязаный кардиган.

– Стандартная ситуация! – хмыкнула я, проворно бинтуя братишкины ножки.

– Она перестала быть стандартной, когда мы пришли к ее дому, – злобно пробурчал Зяма. Он пресердито посопел, а потом выругался:

– Проклятая Бангладеш!

Это было очень неожиданно. Я напряглась, припоминая географию, и не вполне уверенно постановила, что Бангладеш – это где-то очень далеко. Допустить, что Зяма с его новой подружкой пешим ходом за пару часов добрались до иноземных территорий, было немыслимо.

– Эта твоя девица – она из Бангладеш? – откровенно недоверчиво поинтересовалась я.

– Да не она из Бангладеш, чтоб им всем там пусто было! – разъярился братец. – Чертовы бракоделы!

– О каком еще браке ты говоришь? – насторожилась я.

Наш Зяма так любит оригинальничать, что с него вполне станется жениться на первой встречной, да еще сделать это в обрядовых традициях экзотической страны. Причем в порыве страсти он даже не удосужится заранее выяснить, чем скрепляется скоропалительный брак по-бангладешски – кольцами на пальцах или собачьими челюстями на лодыжках!

– Ты сказал, бульдог был французский? – уточнила я.

Черт его знает, где эта Бангладеш, но точно не во Франции!

Зяма разразился ругательной тирадой, из которой явствовало, что отдельно взятый французский бульдог вызывает у него еще меньше симпатии, чем вся Бангладешская Республика.

Прояснить эту загадочную историю с географией я не успела – вернулся папуля, и мы поехали в травмпункт к хирургу.

Откровенно заспанный дядька в перекошенном халате поверх спортивного костюма вышел из кабинета только после того, как наш папа-полковник продемонстрировал хорошее знание основных приемов результативного средневекового штурма. Дверь с табличкой «Дежурный врач» уже мучительно трещала под натиском деревянной банкетки, когда дежурный эскулап в кабинете начал подавать признаки жизни в виде коротких матерных посылов, адресующих нас в такие места, где медицинскую помощь нам могли бы оказать только узкопрофильные специалисты – уролог и проктолог. Прибежал какой-то мальчик-охранник, и я уже думала, что курс оздоровительных процедур нам пропишут в милиции, но папуля показал, что в академии его научили не только военному делу, но и дипломатии. Он быстро простимулировал доктора денежными знаками, и тот сразу подобрел. Завел нас в кабинет, осмотрел Зямыны раны – и, обрабатывая их, тоже очень живо заинтересовался личностью французско-бангладешского бульдога:

– Вы знаете эту собаку?

– Нас не представили, – морщась, высокомерно процедил Зяма сквозь зубы.

– Это плохо, – сказал эскулап. – Если вас укусила бродячая собака, нужна прививка против бешенства, а это от семи до двадцати пяти подкожных уколов в живот.

– Она не бродячая! – быстро возразил Зяма.

– Если собака домашняя, то ее прививка от бешенства должна быть подтверждена справкой ветеринара. Ведь животное может и не выглядеть больным, заразным оно становится за 8–10 дней до появления первых признаков бешенства.

– Я уверен: у этой собаки есть все необходимые справки!

Я приподняла бровь: Зяма говорил горячо, но недостаточно искренне.

– Если такой справки нет, собаку надо изолировать от людей на десять дней, – монотонно бубнил доктор, наполняя шприц. – Если в течение этого времени у животного не появятся слюнотечение, нарушение походки и водобоязнь, то собака здорова и прививка вам не требуется. В любом случае сейчас я введу в рану и окружающие ее ткани специальную сыворотку и назначу вам дни для продолжения вакцинации.

– Ай! – вскрикнул уколотый Зяма.

Я отвернулась. Мамулина чувствительность в некоторой степени передалась и мне.

– Маме скажем, что ты подвернул ногу, играя в теннис, – предупредил нас папуля уже по дороге домой.

Я кивнула, а Зяма, напичканный лекарствами, промолчал: он уже клевал носом. Мне тоже очень хотелось спать, и я искренне радовалась, что завтра Бронич не появится в конторе раньше полудня: по пятницам он исправно посещает заседания общественного комитета по культуре при городской мэрии. Я твердо намеревалась проспять работу и наивно полагала, что никто не сможет мне в этом помешать.

Элечка могла воспользоваться стеклянным лифтом, но, как всегда, постеснялась. Торчать, точно пень на пригорке, в прозрачной кабине, зная, что на нее глазают все прохожие на улице, было бы невыносимо. Они ведь будут смотреть и смеяться, и говорить, подталкивая друг друга локтями: «Боже, какая толстая, нелепая, уродливая клуша! Красуется как на витрине, а на нее просто тошно смотреть!».

Элечка криво усмехнулась. Если бы эти люди могли видеть, что творится у нее в душе, их бы просто вывернуло наизнанку!

Она, как обычно, боязливо остановилась перед раздвижными дверями. Маман страшно ругала ее за эту глупую робость, но Элечка никак не могла заставить себя войти в здание уверенной целеустремленной поступью, которую демонстрируют топ-модели и бизнес-леди. Ей всякий раз казалось, что для такого ничтожества, как она, двери не откроются. А если откроются, то тут же коварно придавят ее, даря бесплатное развлечение зевакам на улице и служащим в холле. Однажды такое уже случилось, и Элечка не забыла пережитое ощущение позорной беспомощности и жгучего стыда. Впрочем, теперь ей было с чем сравнить.

Двери разъехались и выжидательно замерли. Элечка вздохнула и проскочила между ними с поспешностью, которая, конечно же, выглядела комично. Наверняка именно это потешное зрелище вызвало широкую улыбку на красивом лице охранника. Да и юноша-уборщик, ловко уводя швабру из-под ее косолапых ног, тоже улыбался.

Элечка покосилась на парня с ненавистью. Мужчины! Она ненавидела мужчин. Боялась и ненавидела. Всех, особенно молодых и красивых. При этом ей самой красивыми казались почти все, а она – никому. Конечно, такая толстая, рыхлая, с отвратительными веснушками, которые с первыми лучами весеннего солнышка запятали даже плечи и руки!

Она, как обычно, первой поздоровалась с охранником:

– Добрый день!

Она врала: добрым не был ни этот день, ни утро, ни минувшая ночь. Но охранник этого знать не мог – Элечка очень постаралась выглядеть как всегда – нелепой, толстой, уродливой

клушей, которую не могут сделать прекрасной женщиной, достойной уважения и любви, даже мамочкины миллионы.

– Привет, Элечка!

Вот, опять. Простой охранник обращается к ней на «ты» и запросто называет уменьшительным именем! Ее зовут Ариэлла, ей двадцать девять лет, но кто об этом помнит? Даже маман называет ее только Элечкой, как трехлетнюю несмышленную крошку. Впрочем, и «Элечка» она тогда, когда мама ею довольна – то есть очень редко. Гораздо чаще она «Горе мое».

– Галина Михайловна у себя? – заискивающе спросила Элечка, не решившись прилюдно назвать Саму Лушкину мамой.

– Они поднялись в аэрарий, – почтительно понизив голос, ответил охранник.

Это царственное «они» в применении к одной немолодой и некрасивой женщине вызвало уважение и зависть.

– А мне... можно? – Даже точно зная, что ей не откажут, Элечка все равно робела.

– Я попрошу кого-нибудь вас проводить.

Конечно, это не было ни любезностью, ни проявлением уважения. Гораздо проще дать этой нелепой клуше провожатого, который проследит, чтобы она попала куда нужно, чем позволить ей бродить по этажам, отвлекая персонал от работы. Ведь люди неизбежно будут засматриваться на уродину, которая так смешна, что ее можно показывать в цирке!

И конечно, в провожатые ей дали самого жалкого человечка – бабульку, которая мыла фикус, опасливо поглядывая на парня-уборщика, видимо, приходящегося ей начальником. Но даже эта ничтожная личность смотрела на Элечку с жалостью и недоумением. Понятно было, о чем она думает: как у Самой Лушкиной может быть такая дочь? Ответа на этот вопрос в природе не существовало. Элечка не сумела найти его за все свои двадцать девять лет.

Сама Лушкина принимала воздушные ванны на крыше здания. В полосатой тени аэрария был раскинут шезлонг, но Галина Михайловна им пренебрегла. Облаченная в легкие кисейные штаны и такую же рубаху, она стояла на солнышке, подняв лицо к небу и широко раскинув руки, и выглядела почти так же величественно, как знаменитая статуя Христа в Рио-де-Жанейро. Элечка в таком наряде и аналогичной позе смотрелась бы огородным чучелом.

– Я же сказала – меня не беспокоить! – не оборачиваясь, сердито бросила Сама.

На крыше никого и не было. Даже садовник, обычно часами занятый благоустройством всячего сада, ушел, оставив незаделанной брешь в живой изгороди.

– Мама, – безжизненным голосом позвала Элечка.

– А, это ты, горе мое, – Сама обернулась, посмотрела на дочь, и персональная коллекция Элечки пополнилась очередным брезгливо-жалостливым взглядом. – Что-то случилось?

– Ничего, – соврала Элечка.

Откровенничать с маман окончательно расхотелось.

– А жаль, что ничего, – припечатала Сама и снова отвернулась, подставив лицо солнечным лучам. – Я уже не знаю, как тебя растормошить.

Она несколько раз присела, а затем стала делать рывки перед грудью.

– Не надо меня тормошить, – пробормотала Элечка, пристально глядя на шевелящиеся под полупрозрачной тканью рубахи лопатки.

Видно было, что спина у маман голая. Вот она-то нисколько не комплексует, может позволить себе ходить без лифчика!

– Значит, тебя не впечатлило даже вчерашнее сексуальное шоу? – переходя к наклонам, спросила Сама. – Выходит, и это было напрасно! А мне говорили, что те ребята способны воспламенить и монашенку!

Если бы Сама видела в этот момент лицо дочери, то не сумела бы сохранить свое легендарное хладнокровие. Элечка покраснела, словно перезревший помидор, – даже белки глаз

налились кровью, как у быка на корриде. Пугающий румянец разом смыл с ее щек ненавистные веснушки, губы и пальцы искривились.

– И-раз! – бодро произнесла Сама, разводя руки в стороны. – И-два!

Она поднялась на носочки, вытянула руки над головой – и на счет «три!», озвученный клокочущим от ненависти голосом Элочки, красиво, ласточкой, полетела с высоты восьмизэтажного здания на далекий асфальт.

Столкнув с крыши мать, Элочка притиснула руки к бокам, глубоко вдохнула и прыгнула вниз, в полете трусливо поджимая ноги и истошно вопя.

Воспоминание о том, что этот дилетантский стиль опытные прыгуны в воду пренебрежительно называют «бомбочкой», насквозь пропитало последние мысли Элочки жгучей завистью к стильной маман и нестерпимым отвращением к самой себе.

Разбудила меня Алка. Она склонилась надо мной, как плакучая ивушка над сонным озером, делала магические пассы и трясла распушенными волосиками, щекоча мне плечо:

– Инка! Инка, проснись!

– Тро-о-ошкина! – Я мучительно зевнула. – Совести у тебя нет! Сегодня пятница, мне можно спать сколько влезет, а тут ты!

– Это у тебя нет совести! – укорила меня подружка. – Как ты можешь спать, зная, что жизнь близкого человека в опасности?!

Я похлопала ресницами, убедилась, что никаких других людей, кроме самой Трошкиной, поблизости нет, и переспросила:

– Кто это у нас в опасности?

– Как это – кто! – всплеснула руками Алка. – Твой единственный брат!

– С ним еще что-то случилось? – Я села в постели.

– Неужели того, что бедняжку травили собаками, недостаточно?!

Я почесала в затылке, внимательно посмотрела на взволнованную подружку и рассудительно заметила:

– Судя по тому, что ты вроде в курсе Зяминой ночной эпопеи, наш бедняжка успел с тобой пообщаться. Стало быть, он на ногах.

– Это я на ногах, – слегка смущенно ответила Трошкина. – А Зямочка вызвонил меня по телефону. У него постельный режим.

– Самый любимый из всех его режимов, за исключением только режима питания, – кивнула я, тоже с сожалением вылезая из кровати.

– Кузнецова! Ты, мне кажется, не осознаешь серьезности ситуации, – хмурясь, сварливо сказала Алка.

– Возможно, – легко согласилась я. – Но это только потому, что ситуация в целом мне неясна. Что там Зямка рассказал?

– Это очень грустная и поучительная история под девизом: «Не делай людям добра – не увидишь зла», – вздохнула Трошкина.

– Вот как? – Я высоко подняла брови и посемафорила ими, поощряя подружку пересказать мне басню, которую успел сочинить для нее мой изобретательный братец.

В отредактированной для Алки версии французско-бангладешская история звучала совершенно душераздирающе. Оказывается, великий художник Казимир Кузнецов в одиночестве гулял по ночным улицам, любуясь видами и продумывая концепцию очередного гениального интерьера, когда ему встретилась юная девушка, заплутавшая на пути к отчому дому. Невооруженным глазом разглядев природную доброту и врожденное благородство, сквозящие в каждом жесте, взгляде и черте Казимира Кузнецова, потерявшаяся малютка обратилась к нему с мольбой о помощи. И Зяма не только подсказал бедняжке дорогу, но даже проводил ее до родного порога, заботливо оберегая милую кроху от уличных хулиганов и ночной про-

хлады. С последней целью на плечи малютки был наброшен вязаный кардиган бангладешского производства.

– Ага, – веско сказала я, понимая, что более-менее правдивая история только-только начинается.

Бангладешский трикотаж оказал доброму человеку Зяме медвежью услугу. Стопроцентный хлопок, послуживший сырьем для производства кардигана, так и норовил вернуться в исходное первобытное состояние и обильно линял. Это стало особенно заметно, когда милая крошка на пороге своего дома сняла одолженный кардиган. На черном свитерочке барышни налипло столько белого пуха, словно она отработала двойную смену на птицефабрике, ошпыливая гусей. Чувствуя свою вину, владелец предательского кардигана помог девушке привести себя в порядок. К несчастью, в это самое время в окно выглянул папа малышки, обеспокоенный ее долгим отсутствием. Увидев, что незнакомый мужчина (наш Зяма) наглаживает его дочь по тыльной стороне организма (это он там, типа, пух собирает!), строгий отец недолго думая спустил на коварного негодяя собаку.

– Ах, вот как все было! – Я покачала головой и надула щеки, из всех сил сдерживая улыбку. – Ну, теперь мне понятно, почему Зяма так сердит на Бангладеш! Хотя я на его месте гораздо больше сердилась бы на хозяина бульдога.

– Башку ему откусить! – кивнула Трошкина, не уточнив, кому именно. – Ну, когда начнем?

– Что начнем? – немного напряглась я.

Откусывание чьей бы то ни было башки не входило в мои ближайшие планы. Людоедство и живодерство не по моей части!

– Как – что? Бульдога искать! Надо же убедиться, что у него есть прививка от бешенства, иначе бедному Зяме вклянут двадцать уколов в живот, а это, говорят, очень больно!

– Трошкина, тебе самой нужна прививка от бешенства! – Я покрутила пальцем у виска. – Ты хочешь, чтобы я убила свободное утро на поиски какого-то там бульдога?!

– Мы вместе его уьем, – предложила Алка, опять не уточнив свои кровожадные планы. – Зяма бы сам поискал, но ему ходить больно.

Подружка жалостливо шмыгнула носом. Я внимательно посмотрела на нее и поняла, что отговаривать дурочку бесполезно. Со мной или без меня, но Трошкина действительно пойдет обшаривать город в поисках собаки, от состояния здоровья которой напрямую зависит судьба ее любимого мужчины. Не понимаю, как Зяме удастся сводить с ума даже самых умных женщин!

– А где живет собака? – сдаваясь, спросила я.

– То-то и оно, что это неизвестно! – сокрушенно вздохнула Алка. – Где-то на Дровянке, в получасе ходьбы от ресторана «Луара», точнее Зяма сказать не может. Когда они с девочкой шли туда, он глядел, нет ли поблизости хулиганов, а таблички с названиями улиц даже не замечал.

– Ну, конечно! – фыркнула я.

На хулиганов он глядел, ага! Небось заранее присматривался к тем местам, с которых поприятнее будет пух собирать.

– А на обратном пути Зяма прыгнул в чудом подвернувшееся такси и по дороге домой тоже по сторонам не смотрел, потому что считал свои раны, – закончила Алка.

– Ладно, проявим благородство. – Я прошлепала к шкафу, чтобы выбрать универсальный наряд, подходящий и для поисков собаки в первой половине дня, и для тихого офисного сидения – во второй.

От ресторанчика, с открытой площадки которого Зяма с его несостоявшейся подругой Татьяной начали несуетное поступательное движение к отчужденному дому барышни, через парк вела

одна-единственная аллея. Так что на этом этапе мы с Алкой заблудиться не рисковали. Непонятно было, куда идти дальше: путеводная аллея вывела нас к шумному перекрестку.

– Налево пойдешь – на рынок попадешь, – задумчиво завела Трошкина в лучших фольклорных традициях. – Направо пойдешь – в жилой микрорайон придешь. А прямо пойдешь – до реки дойдешь.

Означенными основными вариантами открывающиеся перед нами перспективы отнюдь не исчерпывались. На подступах к водной артерии велись какие-то масштабные строительные работы, а из ближайшего двора доносились звуки бессмертного блатного хита «Гоп, стоп!», так что Трошкина еще не учла весьма вероятные расклады «в канаву упадешь», «ногу сломаешь», «на хулиганов нарвешься» и «кошелек потеряешь».

– Надо было взять на всякий случай газовый баллончик, – пробормотала я.

– Или здорового охранника, – вздохнула Трошкина.

– Хотя бы собаку, – подумала я вслух, с сожалением вспомнив Баркляя – верного четвероногого друга Дениса Кулебякина.

– Гав, гав! – послышалось из-за кустов.

Это совпадение мыслей и фактов меня заинтересовало. Я вытянула шею, высматривая источник лая, а Трошкина вдруг радостно завопила:

– Эврика! Эврика! – и бросилась напролом через самшитовую изгородь.

Я было подумала, что она неожиданно увидела знакомую собаку по кличке Эврика, и немного удивилась такому мощному порыву к общению с фауной – после того как ее в Австралии безвинно лягнул кенгуру, Алка держит дистанцию со зверушками крупнее хомяка и темпераментнее черепашки.

– Здра-авствуйте! Ой, кто это такие хорошенькие, с лапками, с хвостиком, с такими ушками расчудесными! – Из-за покореженных кустов вперемежку со звуками веселой возни донеслось сладкое сюсюканье Трошкиной. – И как же нас зовут?

Похоже было, что на лужайке резвятся сразу несколько хорошеньких существей с расчудесными лапками и хвостиками, однако Алка пока знакома не со всеми.

– Это Гапа, а я Марина Андреевна, – послышалось в ответ. – Мы сенбернарчики.

То есть никакой Эврики среди них не было. Но я решила, что на говорящих сенбернарчиков тоже имеет смысл посмотреть, и без задержки полезла в самшитовую брешь.

– Гапочка, ах ты, зайка! – безудержно умилялась Алка, сидя на корточках перед толстым пятнистым щенком.

Песик очень мало походил на зайца, а вот лохматая Трошкина в обрывках вечной зелени изрядно смахивала на сумасшедшую. Особенно эта ее внезапная любовь к четвероногим меня насторожила. Впрочем, тетка, придерживающая толстопятого Гапочку за ошейник, смотрела на щенка с еще большей нежностью.

– Гапусик у нас прелесть, – проворковала она. – Малюсенький еще совсем мой сыночек, трехмесячный!

Малюсенький трехмесячный Гапа при желании запросто мог бы перекусить тридцатилетней Трошкиной ручку или ножку, но вел себя паинькой, сидел тихо и даже, кажется, улыбался.

– Часто тут гуляете? – Алка задала риторический вопрос, голосом заранее выразив глубокое одобрение правильного подхода к воспитанию здоровых собачьих младенцев.

– Дважды в день по два часа, – с законной гордостью ответила заботливая собачья «мама» Марина Андреевна.

– Наверное, и других собачников встречаете? – Алка наконец встала и перевела заострившийся взгляд с добродушной морды Гапы на довольное лицо его хозяйки.

Тут только я начала понимать, что неумеренное восхищение лапками и хвостиками моя подружка демонстрировала с конкретным умыслом.

– Французского бульдога поблизости не видали? – подтвердила Трошкина мою догадку прямым вопросом.

– Это Фунтика, что ли?

– Может, и Фунтика, – согласилась Алка. – Я не знаю, как его зовут. А хозяйка у него молодая, симпатичная девушка. Они неподалеку в частном доме живут.

– Точно, это Фунтик и Танечка, они иногда гуляют тут по утрам, – кивнула Гапина хозяйка. – Где-то на Окраинной их дом, они обычно с той стороны выходят. А вам они зачем?

Умница Трошкина с ответом на этот вопрос не затруднилась.

– А мы хотим предложить им сняться для иллюстрированного календаря, – ловко соврала она. – Мы в нашем московском издательстве календарь готовим с собачками, и как раз для французского бульдога у нас есть вакансия.

– А сенбернарчик вам не нужен? – сильно оживилась Марина Андреевна.

– Сенбернарчик? – Трошкина посмотрела на меня.

– Наверное, понадобится, но попозже, – пробормотала я, недоумеваю, чего ради все эти хлопоты с песьим кастингом для вымышленного издания. – Месяца через два, когда мы будем готовить календарь с крупными собаками.

– Как раз наш Гапа подрастет! – обрадовалась Марина Андреевна.

Она заставила нас записать ее телефон и ушла довольная. Гапочка подпрыгивал у ног хозяйки – вероятно, тоже радовался будущей карьере фотомодели.

– Значит, улица Окраинная, – совсем другим, свободным от нездоровой восторженности, голосом сказала Трошкина, отворачиваясь от щенка и его хозяйки. – Судя по названию, она должна быть где-то с краю.

Практическая ценность этого глубокомысленного замечания была невелика. В поле нашего зрения имелось сразу два четко выраженных края, образованных границами глубокой канавы. Ее с неизвестной целью выкопали поперек проезжей части на улице, ведущей к реке. Длинная яма была подозрительно похожа на окоп. Наверное, поэтому Трошкина не поленилась заглянуть в нее поглубже – не иначе, высматривала внутри гранатометчиков, притаившихся в ожидании танковой атаки.

– Свеженькая канавка-то, – заметила я, носком туфли спихнув в траншею вязкий глинистый ком. – Думаю, улица Окраинная появилась в нашем городе в более давнее время и была названа безотносительно этого фортификационного сооружения.

– Логично, – с сожалением признала Алка.

Она оглядела окрестности на высоте метра над уровнем окопного бруствера и порывисто бросилась навстречу дедушке в потрепанном френче и трикошках, заправленных в резиновые сапоги. В отличие от нас с Алкой дедуля в костюме заслуженного красноармейца очень гармонировал с глинистым окопом. До полноты образа ему не хватало винтовки с примкнутым штыком и бугристого вещмешка. Вместо винтовки у бравого старца была клюка, а вещмешок с успехом заменял старый школьный ранец.

– Дедуля! – окликнула старого солдата активная Трошкина. – Не подскажите, где тут улица Окраинная?

– Ходь туда! – ответил дед, махнув клюкой в глубь скопища частных домов. – Прямо, прямо и раз направо!

Посоветовавшись, мы решили, что «прямо, прямо» – это два квартала вперед, а «раз направо» – один в сторону, и целеустремленно зашагали вдоль пыльного зеленого забора. По дороге разговорившаяся Трошкина многословно хвалила старца за военную простоту и точность формулировки, но диаметрально изменила свое мнение о трезвости ума и твердости памяти дедули, когда выяснилось, что он отправил нас не на ту улицу.

– Это же не Окраинная! – возмутилась Алка, завершив короткое странствие по маршруту «прямо, прямо и раз направо» у таблички «ул. Украинская».

Увы нам, старый боец оказался глуховат.

– Имени Украинского фронта, не иначе! – нездорово развеселилась я.

– И что смешного? – Алка обиделась и принялась меня воспитывать. – Вот какая ты после этого своему брату сестра?

– Бедная и несчастная, – вздохнула я.

– А должна быть любящая и заботливая! – уела меня подруга. – Как Иванушкина Алenuшка!

Я не сразу поняла, что Иванушкина – это не фамилия, но Алка помогла мне вспомнить первоисточник:

– Уж она-то своего братца не бросила, даже когда он козленочком стал! Ну, что ты хочешь? Зямя в беде, ему помочь надо, а ты ржешь тут как лошадь!

Сравнение с Алenuшкой меня дико рассмешило по той простой причине, что ее братец козленочком стал, а мой, можно сказать, является таковым с рождения: красивое имя «Казимир» Зямыны знакомые по детскому саду и начальной школе упорно расшифровывали как «Козий Мир». Козий Мир Борисович Кузнецов.

– Могу ржать не тут, а в любом другом месте, – отсмеявшись, предложила я. – Например, на том перекрестке! Видишь, там другая табличка виднеется, по-моему, как раз «ул. Окраинная»!

– Где?!

Алка так резко стартовала в указанном направлении, что впору было заволноваться. Если бы оказалось, что Окраинная улица действительно находится на краю какой-нибудь впадины, разогнавшаяся Трошкина сорвалась бы с обрыва, как кирпич с крыши.

«Как Катерина в «Грозе»!» – подобрал более лестное для Алки сравнение мой начитанный внутренний голос в продолжение блицпарада литературных героев.

Только зря он это сказал – буквально накликал: в следующую секунду зазвонил мой телефон, а в нем зазвучал грозовой голос нашей секретарши Катерины. По всей видимости, отчитывать меня она начала еще до того, как нас соединили, потому что всей ругательной фразы я не уловила, меня хлестнуло только ее колючее охвостье:

– ...шляешься, а мы за тебя каштаны из огня выхватываем!

– Да в чем дело, черт возьми? – почувствовав себя незаслуженно обиженной, огрызнулась я. – Сегодня же пятница! Бронич полдня будет в своем культурном совете штаны протирать!

– Да здесь он уже, здесь! И рвет и мечет!

По истеричному тону Катки можно было догадаться, что рвет и мечет шеф отнюдь не собственные протертые штаны. Я поняла, что произвольную программу надо срочно сворачивать и пулей лететь на работу.

– Кузнецова, ты не ошиблась! Это она! Улица Окраинная! – покричала мне Алка с перекрестка.

Она приплясывала под пыльным забором, украшенным ржавой табличкой, радуясь обнаружению жалкой ул. Окраинной едва ли не больше, чем матросы Колумба – открытию целого материка.

– Это здорово, но... Ты прости, я дальше с тобой не пойду, меня срочно на работу вызвали! – виновато сказала я.

– Эх ты! – Трошкина явно хотела снова привести в пример сказочную сестрицу Алenuшку, но увидела мое расстроенное лицо и сжалилась. – Ладно, дальше я сама справлюсь. Беги в свои рудники!

– Спасибо, дорогая!

Я послала верной подруге признательный воздушный поцелуй, повернулась к тупиковой улице Окраинной задом, к торным тропам общественного транспорта передом и побежала.

– Ну, наконец-то! – подняв голову над папкой с прошлогодними документами, вскричала Катерина, едва я появилась на пороге. – Явилась – не запылилась!

В сердцах она с треском захлопнула папку, которая запылиться очень даже успела, и оглушительно чихнула. На шум из кабинета выглянул Бронич. Он не успел заметить за распахнутой дверью меня и обратился к Катерине:

– Будь здорова, – это прозвучало, как «чтоб тебе пусто было». – А Кузнецовой всё нет?

– Уже есть, – буркнула я, выдвигаясь на середину предбанника, как на лобное место.

Ощущение, что меня собираются казнить, усилилось: голос у шефа был уж очень мрачный. И по фамилии он меня до сих пор называл только дважды: когда я устраивалась на работу и когда нагло вымогала беспроцентную ссуду.

– Давай быстрее! – неласково скомандовал шеф и вернулся к себе, сердито стукнув дверью.

Что нужно давать и кому именно, я не поняла, но заранее надулась. Нестерпимо захотелось дать: а) кому-нибудь по морде; б) страшную клятву «ноги моей тут больше не будет!»; и в) дёру. Хотя для уточнения дальнейшей программы не мешало бы выяснить, о чем все-таки говорил шеф.

Я прищурилась и остро посмотрела на секретаршу, по роду работы призванную проводить в массы все идеи начальства.

– Срочно нужно написать Лушкиной, – уныло объяснила Катерина.

– Опять?! Мы ведь уже поздравили Галину Михайловну! Кстати, день рождения у нее был позавчера, – напомнила я.

– Позавчера у нее был день рождения, а сегодня совершенно наоборот, – прикрыв рукой телефонную трубку, сказала Зоя.

Она тоже пребывала в образе: губы загнуты крючочками вниз, а голос проникновенно-печальный, как реквием.

– Хризантемы? – выжидательно посмотрев на Катерину, переспросила Зоя в телефон.

Катя помотала головой.

– Нет, хризантемы – это слишком просто, – решила Зоя. – Давайте белые лилии.

– Самое то! – кивнула Катерина.

– И зелень чтобы не хвойная была, а какая-нибудь лиственная. Идеальны будут пальмовые ветви, – уныло распоряжалась Зойка.

Я прислушивалась к этому разговору с подозрением, постепенно понимая, что гвоздем сегодняшней печальной программы будет вовсе не моя казнь. Очень похоже, что бессловесная роль в белых тапках уже кем-то занята. Я понизила голос до общего траурного тона и боязливо спросила:

– Что, кто-то умер?

– Да Лушкина же! – раздраженно ответила Катерина.

Я присела на ближайший стул и с недоумением посмотрела на монитор, где уже третий день красовалась безумная белка с орехами. И глаза у грызуна были такие же круглые, как у меня, когда я спросила:

– Зачем же ей писать, если она уже умерла?

«Уважаемая Галина Михайловна! От всей души поздравляем Вас с избавлением от тяжкого бремени жизненных забот и переходом в лучший мир!» – с готовностью подсказал начало оригинального посмертного поздравления мой внутренний голос.

– Умерла не та Лушкина, – непонятно объяснила Зоя, набирая новый телефонный номер. – Сама жива, вот ей-то и нужно написать... Алло? Скажите, есть у вас розовые шелковые ленты, пригодные для золотого тиснения?

«Уважаемая Галина Михайловна! Примите наши поздравления с тем, что это не Вы избавились от тяжкого бремени жизненных забот и перешли в лучший мир!» – без промедления учел важную поправку мой внутренний голос.

– Ну, что ты смотришь как баран на новые ворота? – рассердилась Катерина. – Галина Лушкина жива, у нее дочка умерла, вот и нужно написать соболезнование.

– У Лушкиной была дочь?

Я так удивилась, словно мне сказали, что потомка породил бронзовый монумент. Однако изумление мое можно было понять. Галина Михайловна Лушкина – фигура во всех смыслах заметная. И деловые газеты, и таблоиды упоминают ее имя нередко и по самым разным поводам: Лушкина на радость любителям сенсаций то новый завод откроет, то свежего кавалера в свет выведет. Однако о дочери Галины Михайловны я лично никогда ничего не слышала.

– Маленькая, наверное, была девочка?

– Ну, как сказать – маленькая... – Зоя забыла, что она в образе, и насмешливо фыркнула. – Под тридцать!

– Это был ее возраст, – Катя тоже не упустила случая позлословить. – А вес раза в три побольше!

Мне хотелось подробностей, и я обратилась за ними сначала к Смеловскому, а потом к Кулебякину. С Максом было проще, ему не пришлось объяснять природу моего интереса к личности покойной Лушкиной-младшей. Настоящий журналист, Смеловский сам жаждал делиться с массаами имеющейся у него информацией.

– Элечка Лушкина? Конечно, я знал ее, – не разочаровал меня Максим. – Видел пару раз, когда мы снимали Саму для программы «Мой дом – моя крепость». Эта самая Элечка была жутко закомплексованная особа. Стеснительная, робкая – нипочем не скажешь, что наследница миллионного состояния! Кажется, старая дева.

– Это с чего ты так решил?

– Ревнуешь? – обрадовался Макс. – Только это не я, а мой оператор Петька Красильников диагноз поставил. Он у нас малый корыстный, попытался приударить за бедной богатой Элечкой, думал за красивые глаза и крепкие бицепсы отхватить себе принцессу и полцарства в придачу. Да куда там! Элечка от одного откровенного мужского взгляда в обморок падала, а от комплиментов далеко убежала и надолго пряталась.

– Бедняга, – посочувствовала я.

Если бы я так болезненно реагировала на мужские взгляды, полжизни провела бы в коме!

– Да уж, не сладко ей, наверное, жилось в тени такого баобаба, как Галина свет Михайловна, – согласился Макс.

– Так ушла бы от маменьки на свои хлеба, в тридцать-то лет уже большая была девочка! – заметила я. – У нее профессия-то имелаась?

– Ага. Ботаник! – Смеловский заржал, но, очевидно, вспомнив, что Элечки уже нет в живых, быстро оборвал недобрый смех. – Куда она могла уйти, такая затюканная, безвольная, трусливая? Разве что на тот свет, прости господи, что так и вышло...

Информация, полученная от Макса, не сильно прояснила взаимоотношения матери и дочери Лушкиных, а этот момент представлялся мне очень важным – хотелось найти самые правильные слова для соболезнования. А еще Макс почти ничего не знал об обстоятельствах внезапной смерти Элечки. Сказал только:

– Вроде она покончила с собой – говорят, прыгнула с крыши, но подробностей пока никаких. Это же только час назад произошло! Позвони мне попозже. Я уже послал нашу группу в «ЮгРос», может, ребята нароют что-нибудь.

Тогда я подумала о других ребятах, которые уже сто процентов что-нибудь нарыли, и позвонила своему любимому милицейскому капитану.

– А почему тебя это интересует? – спросил Денис.

Я объяснила, что мне поручено найти слова утешения для Самой Лушкиной. Вот поэтому я и должна быть в материале, чтобы ненароком не ляпнуть лишнего.

– А почему я должен тебе об этом рассказывать? – Кулебякин слегка поменял вектор вопроса.

Следующей фразой могло стать классическое: «А что мне за это будет?», и я осуществила контрманевр на упреждение:

– Ты же хочешь, чтобы мы стали одной семьей? Значит, между нами не должно быть секретов. И я ведь не прошу выдавать мне страшные тайны следствия. Мне лишь надо поскорее узнать официальную версию, которую твое ведомство так или иначе сообщит народу. Так что случилось с Элочкой Лушкиной?

– По официальной версии, – Денис интонационно подчеркнул ссылочку. – Ариэлла Вадимовна Лушкина наложила на себя руки по причине гибели самого близкого ей человека – любимой матери.

– Что, Галина Лушкина тоже умерла?! – вскричала я, переполошив коллег.

Катерина уронила в цветочный горшок лейку с водой, а хваткая Зойка с деловитым бормотанием: «Надо просить оптовую скидку!» принялась вновь набирать номер конторы, плетущей похоронные венки.

– Галина Лушкина жива, хотя и не совсем здорова, – Кулебякин успокоил меня, а я – девочек, прошептав в сторону: «Она жива, второй веночек не нужен!». – История не вполне понятная, но сама Лушкина-старшая утверждает, что дело было так: они с дочкой загорали на крыше, грубо нарушая технику безопасности...

– Солнцезащитным кремом не намазались, что ли?

– Да каким кремом! Ты здание «ЮгРоса» видела?

– Я там даже недавно была, – похвалилась я.

– Ну, и как тебе оплот империализма?

– Мне не понравилось, – честно сказала я. – Всюду камень, металл и стекло, очень неуютно.

– Почему же? На крыше здания премиленький деревенский садочек разбит. Клумбочки, газончики, всякое такое, а вместо нормального ограждения – заборчик из карликовых деревьев в кадках.

– Живая зелень? Даже зимой? – не поверила я.

– Зимой по периметру ставят кадки с елочками, а летом – с пальмочками, – объяснил Денис. – Замену одного вида на другой производят осенью и весной. Как раз сегодня утром садовник приступил к ротации горшечных растений, елки убрал, а палки поставить не успел. Сама Лушкина на солнышке грелась, грелась и, видно, перегрелась: голова у нее закружилась, все остальное закачалось, нога на мокром оскользнулась, и полетела грандмадам с верхотуры, аки божья пташка.

– Что, Сама Лушкина упала с восьмого этажа?! – Я опять не сдержала эмоций.

Зойка, решив, что при таком раскладе без второго венка все-таки не обойтись, снова схватилась за телефон.

– Упала, но чудесным образом не разбилась, – недоверчиво хмыкнул Денис. – Напротив башни «ЮгРоса» здание «Крайбанка», помнишь? У них на втором этаже большая веранда, а на ней летний ресторан. И как раз вчера над ней натянули парусиновый тент! Лушкина упала прямо на него и отделалась вывихнутым плечом и легким испугом. А вот дочка ее испугалась буквально до умопомрачения! Как мать с крыши упала, Лушкина-младшая видела, а вот ее мягкой посадки на навес заметить не успела, потому что поторопилась прыгнуть следом за маменькой.

– Вот это да... – протянула я, не зная, что еще сказать.

Слыхала я про неразрывную духовную связь, но чтобы она вот буквально проявлялась на физическом уровне? Маманя ухнула с крыши, и доча за ней, как бычок на веревочке! Жуть!

«Минуточку! – влез с неожиданным вопросом мой внутренний голос. – А почему же одна Лушкина на навес бухнулась, а вторая на асфальт? Промахнулась мимо тента, что ли?»

– Понимаешь, старшая-то поскользнулась и ушла вниз по дуге, а младшая полетела отвесно, как кирпич, – объяснил Денис, когда я переадресовала ему каверзный вопрос. – А навес был ближе к противоположной стороне проулка. Вот вторая Лушкина на него и не попала.

После разговоров с Максимом и Денисом я залезла в Интернет. На местном информационном портале уже висело сообщение о трагической гибели единственной дочери генерального директора ООО «ЮгРос» Г.М. Лушкиной – без всяких подробностей. Рядом с коротким текстом имелась фотография в траурной черной рамочке. Я внимательно рассмотрела снимок и прониклась жалостью к бедняжке Ариэлле, а вот к ее мамаше совсем не добрым чувством.

Еще не старая женщина – единственная наследница миллионного состояния! – имела вид бедной родственницы из аграрного захолустья. Ее простоватое лицо с безвкусным и неумело нанесенным макияжем являло богатейшую коллекцию кожных дефектов, неухоженные пшеничные брови вплотную приблизились к стадии колошения, а губы, наоборот, безнадежно увяли. С прической дела обстояли и вовсе плачевно: не слишком густые светлые волосы Ариэллы были прихвачены грошовым пластмассовым ободком, полностью открыв широкий, как у сома, выпуклый лоб. И даже в таком виде он не уравнивал рыхлые щеки! В общем, дочь Лушкиной воплощала типичный образ простой русской бабы, по причине общей замордованности и перманентного безденежья не приобщившейся к успехам современной индустрии красоты.

– Господи, благослови моего косметолога! – вздохнула я, представив, как при неблагоприятных жизненных условиях могла бы выглядеть я сама.

Фактура-то у меня хорошая, но за ней ведь тоже уход нужен!

Заочно познакомившись с уже покойной Элечкой, я решила, что градус материнских чувств Самой Лушкиной был отнюдь не высок. Галина Михайловна явно уделяла своей покойной дочке гораздо меньше внимания, чем более любимому детищу – компании «ЮгРос». В противном случае богатая наследница и выглядела, и вела бы себя совсем по-другому. И уж точно у бедняжки не развилась бы та поистине смертельная зависимость от родительницы, которая толкнула ее на роковой шаг с крыши!

В общем, мне казалось, что в самоубийстве Ариэллы есть большая доля вины Галины Михайловны, поэтому как следует посочувствовать Самой в постигшей ее утрате никак не получалось. Одно за другим я написала четыре соболезнующих письма, Катя с Зоей в складчину сочинили еще два скорбных текста, но Бронича ни один из них не устроил. Как верно выразилась Катька, он рвал и метал бумажки с нашими записями, обвиняя сотрудников агентства в бесталанности и душевной черствости. Это было обидно. Я в конце концов не выдержала и от лица всего обруганного коллектива дерзко предложила шефу:

– Может, сами напишете?

– И напишу! – с вызовом сказал он и надолго заперся у себя в кабинете.

Тогда я постановила считать свой взнос в искусство сочинения маленьких трагедий вкладом без возможности его пополнения, попрощалась с девочками и поехала домой, на ходу придумывая развлекательную программу на вечер. Очень хотелось компенсировать скверный рабочий день качественным отдыхом.

Никакой перегородки между обычными больничными покоем и платным отделением не имелось, однако граница все-таки существовала и даже отчетливо просматривалась: в той

части холла, через которую можно было проследовать к ВИП-лифту, потрескавшаяся керамическая плитка пряталась под ворсистым ковровым покрытием.

– Куды в уличном потопади?! – прикрикнула на Юстаса и Алекса сердитая бабулька в синем халате.

Она бродила вдоль «границы» с опущенной шваброй, как сапер с миноискателем.

– А ну, пошли взад за бахилами!

Алекс, плохо знакомый с больничными порядками, сбился с шага. В зад за бахилами – это будило воображение. Грубые и невоспитанные люди, случалось, посылали его в разные нехорошие места, но никогда – с такой конкретной целью.

– Возвращаться не будем! – подстегнув отставшего Алекса колючим взглядом, отчеканил Юстас.

– Та шо ж вы делаете, ироды! – бессильно завопила им вслед злая бабка. – Это ж надо! В ботинках поперлись на половое покрытие!

– Оно не половое, а напольное! – Юстас, старательно выдерживая роль сурового начальника, обернулся на ходу и погрозил бабульке пальцем. – А половое покрытие, бабушка, ежели вы запомнили, это со-овсем другое!

– И туда мы в ботинках ни-ни! Ни в коем разе! – без улыбки поддакнул ему Алекс.

Старательно удерживая на лицах выражение подобающей заведению серьезности, они вошли в лифт, дождались, пока двери закроются, переглянулись и захохотали.

– Дзень! – укоризненно тренькнул лифт.

– Всё, хорош веселиться! – Юстас посуровел, задрал подбородок и завертел шеей, спешно поправляя под твердым воротничком узел галстука.

Алекс одернул на себе пиджак. Он надевал парадный костюм нечасто и чувствовал себя в нем неудобно.

– Пошли! – скомандовал Юстас, первым выходя из лифта. – И смотри там, чтобы ни одной улыбочки, ни одного словечка!

– Я ж не дурак! – обиделся Алекс, след в след, как по кочкам на болоте, шагая за товарищем по пушистому ковру.

– Простите, вы к кому? – За конторкой, похожей на стойку бара, приподнялась симпатичная медсестрица.

– К госпоже Лушкиной, – веско ответил Юстас, на ходу ловко распахнув и тут же шумно захлопнув служебное удостоверение.

– Позвольте, я вас одену! – Приятно фигуристая девушка выскочила из-за стойки с халатом в руках.

– Лучше разденьте! – пробормотал Алекс, непроизвольно облизнувшись.

За эту вольность Юстас наградил балагура сердитым взглядом, а медсестричка выдала слишком короткий халат с подозрительными рюшечками на рукавах.

– Слышь, Юрка? Тебе не кажется, что это женский халатик? – с сомнением разглядывая большую перламутровую пуговицу и незряче спотыкаясь, задумался Алекс.

– Неважно!

Юстас остановился под дверью, снова поправил узел галстука и четко, как дятел, постучал:

– Тук-тук-тук-тук-тук! Галина Михайловна, вы позволите?

– Да.

Возле широкой кровати, как часовой, виселась капельница. Женщина, лежащая в постели, показалась Алексу очень старой. Казалось странным, что эта некрасивая пожилая особа обожает молодых мужчин атлетического телосложения и не стесняется добиваться их внимания всеми возможными способами. Алекс на всякий случай постарался ссутулиться. Он успел навести справки и выяснил, что Галина Лушкина, владея контрольным пакетом акций

спортивного клуба «Геракл», предпочитает получать свои дивиденды натурой. И в ночных клубах города ее хорошо знают и ценят, как постоянного клиента, если не сказать – оптового покупателя. А уж о том, как утомительно внимательна Сама Лушкина к молодым и симпатичным подчиненным мужского пола, Алексу не раз рассказывал Юстас. Бедный Юрка! В самом начале своей работы в «ЮгРосе» он, чтобы избавиться от приставаний хозяйки, вынужден был наврать про бандитскую пулю, отстрелившую отнюдь не ухо! Ну, за те деньги, которые там платят начальнику охраны, можно и евнухом прикинуться.

Алекс с трудом подавил неуместный смешок и спрятал раскрасневшееся лицо за плечом Юстаса, но тот качнулся в сторону:

– Галина Михайловна, это тот самый человек, о котором я вам говорил.

– Частный сыщик?

Голос у Самой был хриплый, больной, но взгляд неожиданно ясный и цепкий:

– В милиции все улажено?

– Да, – Юстас коротко кивнул. – Официальная версия – самоубийство.

– Хорошо, – острый взгляд Самой переместился на Алекса. – Вы в курсе своей задачи?

– В общих чертах. – Он стойко выдержал пронзительный взгляд и сдержанно кивнул. –

Вы хотите, чтобы я провел независимое расследование и выяснил причину, которая толкнула вашу дочь на самоубийство.

– На убийство!

– Что? – Алекс вопросительно посмотрел на Юстаса.

Тот неуютно поежился, кашлянул и пробурчал:

– На самоубийство и попытку убийства – два в одном.

– Ариэлла пыталась меня убить! – некрасиво кривясь, объяснила Сама. – А когда у нее не получилось, она убила себя! И теперь я хочу знать имя мерзавца, который хотел уничтожить меня руками собственной дочери!

– Вы кого-нибудь подозреваете? – спросил Алекс, вытаскивая из кармана записную книжку.

Что-то подсказывало ему, что список «мерзавцев», страстно желающих Самой Лушкиной скорейшей кончины, должен быть длинным.

– Того, кому это выгодно, – многозначительно заметил Юстас.

– Есть такой человек, – сказала Сама. – Пишите имя: Михаил Брониславович Савицкий...

Во дворе нашего дома я встретила папулю. Деловито помахивая большой парусиновой сумкой, он следовал в направлении овощного рынка и приветствовал меня словами:

– Дюшенька, ты сегодня пораньше? Молодец, поможешь мне с профитролями.

Я сразу же пожалела, что не задержалась на работе до глубокой ночи. Папулин овощной суп-пюре с профитролями вкусен, полезен и питателен, но приготовление его подразумевает мытье и чистку огорчительно большого количества бугристых твердых корнеплодов.

– А что, больше никого нет? – огорченно спросила я, втайне надеясь передоверить почетные обязанности кухонного рабочего бабуле.

– Почему? Дома мама с Зямой сидят, – ответил папуля, ничуть меня этим не обрадовав.

На мамулю с братцем, в смысле дежурства по камбузу, рассчитывать не приходится. Они у нас натуры творческие, к суровым реалиям кухонного быта решительно не приспособленные. Так что я могла считать, что дома вообще никто не сидит, да так оно в принципе и было: Зяма лежал, а мамуля вертелась у зеркала.

– Отличное платьице, – похвалила я, метко забросив сумку на рогатую вешалку. – Папуля его видел?

– В общем, да, – уклончиво ответила мамуля, при упоминании ревнивого супруга непроизвольно зашипнув сверхдлинный разрез на бедре.

– А в частности? – не отстала я, выразительным взглядом показав, о каких именно частностях спрашиваю.

Мамуля повернула корпус вправо, а голову влево и попыталась в этой йоговской позе произвести замеры обширного выреза на спине. Я помогла ей добрым советом:

– Под это платье нижнее белье лучше не надевать.

– Ладно, не буду, – с готовностью согласилась она.

Я подняла брови:

– Можно узнать, куда это ты собираешься?

– Не я – мы с тобой собираемся! – Родительница покачала головой, на которой уже была сооружена элегантная вечерняя прическа. – Конечно, если у тебя нет других планов на вечер.

– Абсолютно никаких, мамочка! – горячо заверила я, с большой радостью послав к чертовой бабушке овощные профитроли. – Когда идем?

Жизненный опыт подсказывал мне, что имеет смысл убраться из дома раньше, чем папуля вернется с бурьяками и репками.

– А куда мы идем, тебе неинтересно? – уколола мамуля.

С губ само рвалось: «Все равно, лишь бы не на кухню!», но я промолчала. Необязательно было просвещать родительницу относительно того, какая именно альтернатива сподвигла меня принять ее любезное предложение без расспросов и уговоров.

– Мы собираемся в театр! – так и не дождавшись ответа, торжественно сообщила она.

– Опять?! – ляпнула я.

– Ты уже была в театре? – удивилась мамуля.

Она выразительно оглядела меня с непричесанной головы до туфель, на которых оставила зримые следы окопная глина, и недоверчиво хмыкнула.

– Я туда уже собиралась, – ответила я.

– Ты? В театр?! – Мамулино недоверие достигло невиданных высот и сделалось откровенно обидным.

Пришлось объяснять, что я вовсе не такая темная малограмотная личность, как некоторые, наверное, думают. Не красавица-блондинка из анекдотов, я вполне образованная современная девушка, временами испытывающая тягу к культурной жизни не только в ее инговых формах.

– В каких, в каких формах? – услышав незнакомое слово, наша великая писательница засмушалась и потеряла весь свой апломб.

– В инговых! – повторила я. – Ну, знаешь: пирсинг, дансинг, шопинг...

– Спарринг! – громко и радостно подсказал из своей комнаты Зяма. – Но только не тот, где морды бьют, а где бессистемно спариваются.

– Если бессистемно, то это уже свинг! – возразила я, шагнув поближе к дверному проему, чтобы видеть братца.

– Тоже инговая штука, – охотно согласился он, неторопливо перелистывая «Плейбой».

– Эх, Зяма, жаль, что ты не можешь пойти с нами! – без видимой связи со сказанным взгрустнула мамуля. – Тебе бы понравился этот спектакль! Он буквально для тебя и про тебя!

– Неужели в нашем театре наконец поставили «Идиота»? – ехидно спросила я.

«Плейбой», трепеща листочками, прошуршал над моей головой, стукнулся о стену и убитой молью упал на пол. Я подняла сексуальную дохлятину, любезно вернула ее Зяме и пошла снаряжаться в культпоход.

Пока я выбирала наряд, а потом одевалась, причесывалась и раскрашивалась, мамуля морально готовила меня к восприятию спектакля.

– Рассказывают, что это совершенно возмутительное безобразие! – возбужденно блестя глазами, говорила она. – Нечто абсолютно непристойное: хористки топлес, кордебалет исполняет стриптиз, а главные герои прямо на сцене очень зажигательно имитируют процесс интимной близости.

– Из скольких актов? – ревниво поинтересовался Зяма, не уточнив, какие именно акты его интересуют.

Мамуля его не услышала, потому что я перебила брата:

– Так мы идем в ТЮЗ на «Яблоко раздора»?! Вот здорово! Я как раз хотела его посмотреть, да обстоятельства помешали! А разве вчера был не самый последний спектакль?

– В ТЮЗ?! – Зяма не смог удержаться в стороне от интересного разговора.

Он прихромал к нам, увидел меня в белье, пробормотал: «О, миль пардон!», прикрыл глаза ладонью, вслепую нашел диван, бухнулся на него, едва не придавив мамулю, и продолжил тему:

– Неужели теперь такие спектакли показывают в ТЮЗе? Ах, где ты, моя пуританская молодость! Или нынешний ТЮЗ – это уже не Театр Юного Зрителя?

– По мнению некоторых моих коллег из художественного совета, наш ТЮЗ после этой постановки следует называть Театром Юродивого Зрителя, – хихикнула мамуля. – А постановку «Яблока раздора» переименовать в «Яблоко разврата». Ах, дети, слышали бы вы, какая словесная баталия развернулась на сегодняшнем заседании! Этот бездарь Цапелъник из городского союза писателей призывал власти санкционировать гражданскую казнь автора пьесы с обязательной конфискацией его гонорара в пользу наиболее высоконравственных литераторов края. Завотделом народного образования предлагала устроить на входе в театр бесплатную раздачу тухлых яиц, оформив эту акцию как спонсорскую помощь птицекомбината. А вот активисты из студенческого комитета, спасибо им, потребовали организовать дополнительный показ спорного спектакля для ценителей высокого театрального искусства, которые не имели возможности испытать глубокое отвращение к данной постановке ТЮЗа по причине огорчительно высокого спроса на билеты. Так что сегодня вечером спектакль повторяют, и нам, членам художественного совета, дали места в ложе!

– Кажется, я неправильно оделась, – пробормотала я, и незамедлительно поменяла строгий брючный костюм на маленькое черное платье с вырезом «лодочка», который мой милицейский бойфренд неодобрительно, но поэтично называет «утлый челн в бурлящем море»: из него так неожиданно и интересно выныривает то одно-другое плечико, то весомый фрагмент бюста...

В общем, нарядились мы с мамулей эффектно и даже вызывающе. Однако наши домашние Отелло – Денис и папуля – могли не беспокоиться: на фоне хористок топлес мы обе смотрелись застенчивыми монашками.

А пресловутый скандальный спектакль оказался совсем не дурен! Постановщику не удалось серьезно испортить мифологический сюжет про Париса, единолично и далеко не беспристрастно судившего первый в истории конкурс красоты. Опять же, некоторый перебор с обнаженной натурой показался нам отчасти оправданным скудной на покровы древнегреческой модой. Потом мы с мамулей решили, что красавец Парис в полотенце через плечо и белой юбочке с золотым геометрическим орнаментом на чреслах выглядит очень симпатично, а субтильная фигура Прекрасной Елены вполне позволяет выставлять ее на обозрение публики, вооруженной театральными биноклями. Хотя даже мы сочли, что мускулистый Амурчик, в тонком розовом трико на голое тело, меткой стрельбой обеспечивший героям пьесы пылкое взаимное чувство, выглядит совсем не по-детски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.